

Валерий ШТЕЙНБАХ

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ОЛИМПИЙСКОЙ МЕДАЛИ

От Олимпии
до Сочи

История Олимпийских игр
в скандалах, провокациях,
судейских ошибках и курьезах

Валерий Штейнбах

**Оборотная сторона
олимпийской медали.
История Олимпийских игр
в скандалах, провокациях,
судейских ошибках и курьезах**

«Спорт»

2015

ББК 75.4

Штейнбах В. Л.

Оборотная сторона олимпийской медали. История Олимпийских игр в скандалах, провокациях, судейских ошибках и курьезах / В. Л. Штейнбах — «Спорт», 2015

ISBN 978-5-9906578-7-8

Олимпийские игры давно стали настоящим праздником не только для спортсменов, но и для большинства людей во всем мире. Всех интересуют результаты соревнований, биографии спортсменов, наиболее яркие страницы олимпийской летописи. Но в олимпийском движении есть и другая сторона. Речь идет о тайнах закулисной борьбы, скандалах, провокациях, недостойном поведении спортсменов и судей – одним словом, о том, что противоречит самой идее олимпизма и наносит ему немалый вред. Скрыть подобные факты чаще всего не удастся, и многие неприглядные стороны организации Игр, поведения спортсменов, политические интриги выходят на свет Божий, зачастую довольно сильно шокируя общественность. Автор решил представить историю Олимпийских игр не в очках, секундах и килограммах, а в этих самых скандалах и ошибках, грустных и порой смешных ситуациях, возникавших во время соревнований, до и после них.

ББК 75.4

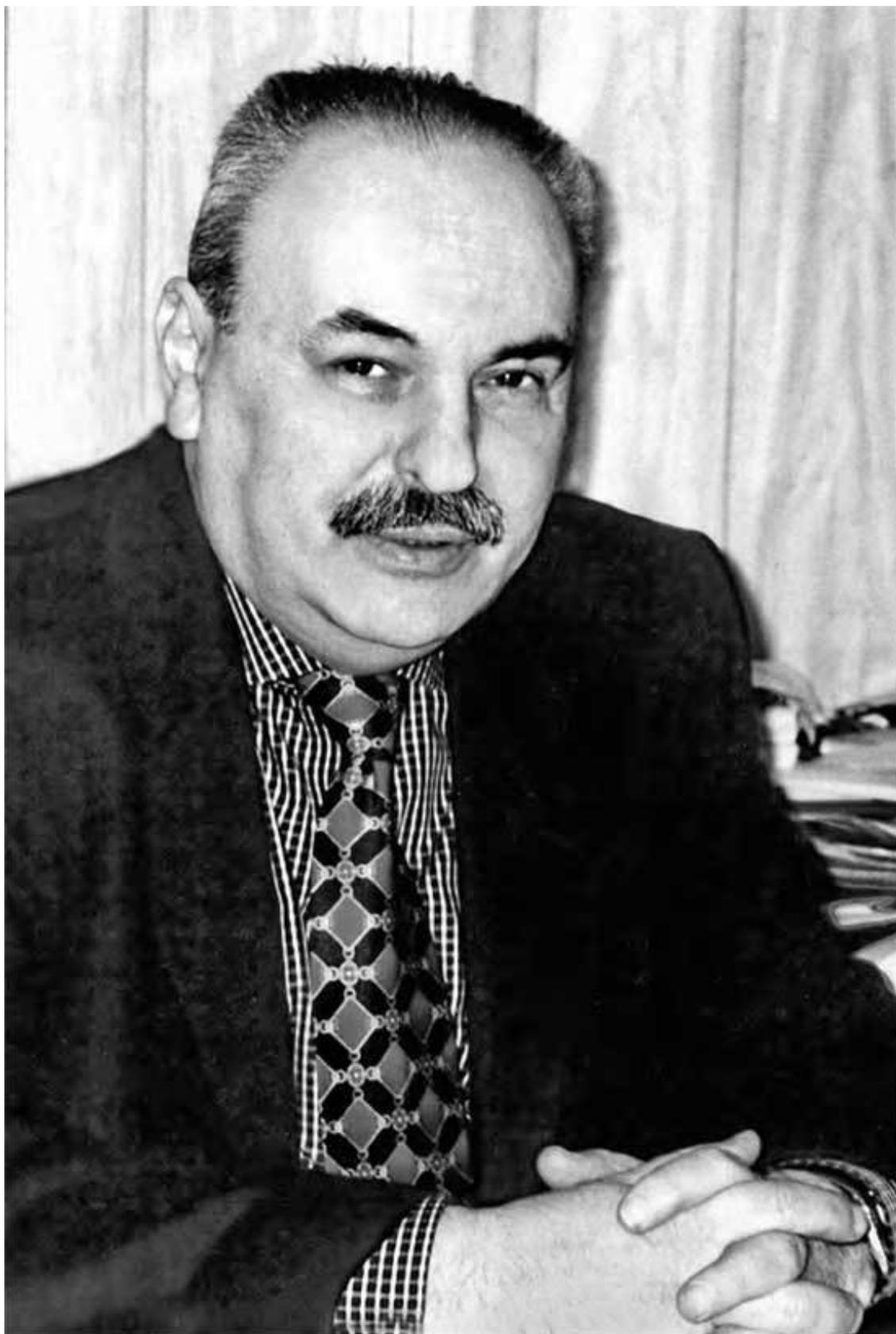
ISBN 978-5-9906578-7-8

© Штейнбах В. Л., 2015

© Спорт, 2015

Содержание

Соперники Нерона на старт не вышли	7
Быть или не быть первой Олимпиаде?	10
На заре XX века	16
Снова в тени Всемирной выставки	19
Олимпиада судейских ошибок	22
Спортивная Цусима	28
Первая угроза распада	36
Возрожденные из пепла	40
Быть ли зимним Играм?	43
Эксперимент во Французских Альпах	45
Самба вместо гимна	47
Капризы альпийской погоды	49
Королева против Олимпиады	52
Игры в «Хрустальном» городке	54
Времена Великой депрессии	59
Под тенью фашистской свастики	62
И снова свастика накрыла кольца	67
Первые послевоенные	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Валерий Штейнбах
Оборотная сторона
олимпийской медали
История Олимпийских игр
в скандалах, провокациях,
судейских ошибках и курьезах
2-е издание, исправленное
и дополненное

© Штейнбах В. Л., 2008, дополнения, 2015

© Издательство «Спорт», оформление, издание, 2015

* * *

Соперники Нерона на старт не вышли

Олимпийские игры давно стали настоящим праздником не только для спортсменов, но и для большинства людей во всем мире. Всех интересуют результаты соревнований, биографии спортсменов, наиболее яркие страницы олимпийской летописи. Но в олимпийском движении есть и другая сторона. Речь идет о тайнах закулисной борьбы, скандалах, провокациях, недостойном поведении спортсменов и судей – одним словом, о том, что противоречит самой идее олимпизма и наносит ему немалый вред. Скрыть подобные факты чаще всего не удастся, и многие неприглядные стороны организации Игр, поведения спортсменов, политические интриги выходят на свет Божий, зачастую довольно сильно шокируя общественность.

Ни одни Олимпийские игры, да и вообще практически ни одно большое спортивное состязание не обходится без скандалов. Это аксиома. Одно время Игры потрясли политические скандалы. Потом настали времена скандалов коррупционных. Ну, а в наши дни чаще всего скандалы и недоразумения связаны с предвзятым, а порой и безграмотным судейством или с допингом.

Олимпийские скандалы – отнюдь не порождение нашего времени. Различные пикантные ситуации и связанные с ними скандальные истории родились вместе со спортивными соревнованиями. Во всяком случае, история античных Олимпийских игр оставила потомкам немало примеров нечестной игры, подкупа судей и соперников, мошенничества и жульничества.

Да взять хотя бы одну из самых распространенных легенд о возникновении Олимпийских игр. Помните? Это легенда о Пелопсе, которую упоминают древнеримский поэт Овидий в своих «Метаморфозах» и древнегреческий поэт Пиндар.

Жил на свете симпатичный паренек, звали его Пелопс, был он сыном Тантала. После того как царь Трои Ил завоевал его родной город Сипил, он покинул родину и отправился к берегам Греции. На самом юге Греции он нашел полуостров и поселился на нем. С тех пор этот полуостров стали называть Пелопоннесом. Однажды увидел Пелопс красавицу Гипподамию – дочь Эномая, который был царем Писы, города, расположенного на северо-западе Пелопоннеса, в долине реки Алфей. Пелопс влюбился в прекрасную дочь Эномая и решил просить у царя ее руки.

Но это оказалось делом не таким уж легким. Оказывается, оракул предсказал Эномаю гибель от руки мужа его дочери. Чтобы обмануть судьбу, Эномай решил вообще не выдавать дочь замуж. Но как это сделать? Как отказывать всем претендентам на руку Гипподамии? Много достойных женихов сваталось за красавицу царевну. Отказывать всем без причины Эномай не мог, и он придумал жестокое условие: он отдаст Гипподамию в жены лишь тому, кто победит его в состязании на колеснице, если же победителем окажется он сам, то побежденный должен поплатиться жизнью. Во всей Греции не было равных Эномаю в искусстве управлять колесницей, да и кони его были быстрее ветра.

Один за другим приходили во дворец Эномая молодые люди, готовые лишиться жизни, лишь бы получить в жены прекрасную Гипподамию. И всех их убил Эномай, а чтоб неподводно другим было приходиться свататься, прибил головы погибших к дверям дворца.

Но это не остановило Пелопса. Он решил перехитрить жестокого правителя Писы. Тайно договорился Пелопс с возничим Эномая Миртилом, чтобы тот не вставлял чеку, удерживающую колесо на оси.

Перед началом состязаний Эномай, уверенный, как всегда, в успехе, предложил Пелопсу начать гонку в одиночестве. Колесница жениха срывается с места, а Эномай не

спеша приносит жертву великому громовержцу Зевсу и только после этого бросается вдогонку.

Вот уже колесница Эномая достигла Пелопса, уже чувствует сын Тантала горячее дыхание коней царя Писы, он оборачивается и видит, как царь с торжествующим смехом замахивается копьем. Но в этот момент колеса с осей колесницы Эномая соскакивают, колесница опрокидывается, и жестокий царь замертво падает на землю.

Торжественно возвратился Пелопс в Пису, взял в жены прекрасную Гипподамию, завладел всем царством Эномая и в честь своей победы устроил в Олимпии спортивный праздник, который решил повторять раз в четыре года.

Ну, что? Разве это не жульничество? Но здесь хоть на кону была жизнь парня, а в спортивных состязаниях лишь слава и лавровый венок, а потом, конечно, медали, ну, а совсем потом – гонорары. Но это, в основном, уже в наши дни. А были ли скандальные случаи в Античной Греции? А как же!

Всем известно, что в Олимпии между стадионом и рекой Алфей были установлены мраморные статуи олимпийцев. Эти прекрасные статуи ставились на средства тех городов, откуда родом были новые «полубоги»: первый чемпион Корэб из Элиды; «сильнейший среди сильных» Милон из Кротона; Политес из Корины, одержавший на 212-й Олимпиаде три победы во всех трех видах бега в течение одного дня; Ласфен из Тебеи, который бежал 30 километров, соревнуясь с лошастью; Никола из Акрии, который на двух Олимпиадах одержал пять побед в беге, и множество других славных атлетов.

Но мало кто знает, что неподалеку от холма Крона в той же Олимпии стояло несколько десятков почти одинаковых изваяний Зевса. Каждая из этих статуй была сооружена на деньги со штрафов, накладывавшихся на тех участников Игр, которые жульничали, пытались подкупать противников, наносили во время соревнований увечья сопернику, – в общем, совершали различные неэтичные поступки.

Нарушения правил, зафиксированные в исторических памятниках, были весьма разнообразны. Например, на 71-й Олимпиаде, в 496 году до н. э., элладники (так назывались судьи) не признали атлета Клеомеда победителем в кулачном бою, потому что он во время состязания случайно убил своего противника. На 75-й Олимпиаде, в 480 году до н. э., был оштрафован знаменитый атлет Теаган за то, что он отказался от участия в панкратионе, сказав, что утомился во время кулачного боя, а по правилам все виды состязаний, входившие в программу Игр, тогда являлись обязательными для каждого участника.

На 90-й Олимпиаде, в 420 году до н. э., не была признана победа возницы Лихаса, так как он незаконно принял участие в Играх: Лихас был спартанцем, а Спарта в этой Олимпиаде не участвовала. Еще до объявления священного перемирия около тысячи тяжеловооруженных спартанских пехотинцев вели боевые действия на территории Элиды. Не прекратили они воевать и после объявления перемирия. Согласно закону, спартамцам предписали заплатить штраф – 200 драхм за каждого воина. Спартамцы отказались платить, и им запретили участвовать в Играх. Лихас же решил всех перехитрить и записался на участие в Играх от имени другого города.

Вообще, гонки колесниц были, пожалуй, самым, как сказали бы сейчас, криминальным видом, входившим в программу древних Игр. Здесь было больше всего подкупа, мошенничества, жульничества. В самом начале владельцы лошадей являлись одновременно и тренерами и участниками. Но соревнования эти были очень опасными, так как участники не останавливались перед самыми грубыми средствами, лишь бы перевернуть колесницу соперника, не дать ему прийти к финишу первым. Несчастные и даже смертельные случаи были на этих соревнованиях нередки.

Очень скоро богатые владельцы конюшен решили завоевывать победу, не подвергаясь риску. Они стали отправлять на соревнования рабов под своим именем. В случае победы раб

получал от своего хозяина значительную сумму денег и мог быть даже отпущен на свободу и стать гражданином. Можно себе представить, что конкуренты не щадили себя, добывая победу своим хозяевам. Обычай этот распространялся довольно быстро. И очень скоро в соревнованиях стали принимать участие только «профессионалы». Известны даже случаи, когда владелец лошадей вообще не приезжал на Игры. Так нередко поступали могущественные правители, обремененные государственными делами. Некоторые государи содержали роскошные конюшни, например, римские императоры Тиберий и Нерон, имена которых фигурируют в списках олимпийских победителей.

Как получилось, что в число олимпийщиков попали римляне, ведь чужестранцам не разрешалось участвовать в Играх? В 146 году до н. э. Грецию завоевали римляне, и побежденные греки вопреки священной традиции вынуждены были позволить им участвовать в Играх. (Вот вам и политические мотивы! Значит, и это не порождение наших дней!)

Переполненный гордостью Нерон приказал построить в Олимпии сказочный дворец, а затем решил сам участвовать в состязаниях колесниц. В этих соревнованиях предполагалось участие множества атлетов. Огромное количество колесниц принадлежало знатнейшим фамилиям, а участники были прекрасно подготовлены. Но когда стало известно, что император собственной персоной хочет участвовать в соревнованиях, все немедленно ретировались. Никто не осмелился помешать Нерону стать «чемпионом». Каждый отлично знал: попытайся он противостоять Нерону, сразу появится риск потерять жизнь.

Таким образом, Нерон в гордом одиночестве появился на дорожке ипподрома, стоя на своей колеснице, запряженной десятью лошадьми. На дистанции он дважды умудрился упасть, но наконец добрался до финиша. Он был немедленно увенчан лавровым венком, и никто не посмел даже улыбнуться.

После 98-й Олимпиады были установлены сразу четыре статуи Зевса: кулачный боец Эвпол дал взятку своим трем соперникам. Наказаны были все четверо, и не только солидным денежным штрафом, но и всеобщим презрением. Недаром одна из надписей на этих статуях гласила: «Победа в Олимпии добывается не деньгами, а быстротой ног и крепостью тела».

Быть или не быть первой Олимпиаде?

После Учредительного конгресса, на котором был избран Международный олимпийский комитет и выбрана столица Игр I Олимпиады – Афины, началась подготовка к организации Игр. В конце октября 1894 года Пьер де Кубертен внезапно выехал из Парижа поездом в Марсель, а оттуда на борту парохода «Ортегаль» в Афины.

Чем был вызван этот неожиданный отъезд? Ведь последние новости, полученные от первого президента Международного олимпийского комитета, его друга грека Диметриуса Викеласа, казались обнадеживающими. Викелас писал из греческой столицы: «От Бриндизи до Афин все мои соотечественники говорят с радостью об Олимпийских играх».

Но после этого Викелас встретился с премьер-министром Трикуписом, и тот уговаривал его не спешить с организацией Игр.

И вот эта осторожная позиция премьер-министра вызвала мгновенную реакцию Кубертена. Он почувствовал, что отказ не заставит себя ждать, и решил выехать навстречу событиям. В Афины Кубертен отправился не с пустыми руками: у него был документ, способный, по его мнению, оказать давление на греческое правительство. Речь идет о письме Ференца Кемени – члена МОК для Венгрии, который на осторожное предложение Кубертена на тот случай, если Греция откажется проводить у себя Игры, подтвердил согласие Венгрии охотно провести их у себя в рамках грандиозных манифестаций в честь празднования в 1896 году тысячелетия венгерского государства...

Сойдя с борта «Ортегалья», Кубертен увидел своего верного друга Викеласа, который сразу взволнованно спросил его:

– Вы получили письмо Драгумиса? Нет? Я так и думал. Я принес вам копию.

Драгумис, депутат, бывший министр, входил в комиссию, которая, по мнению Викеласа, должна была взять в свои руки организацию Игр. В письме, прибывшем в Париж уже после отъезда Кубертена, Драгумис, ссылаясь на более-менее уважительные причины, сообщал, что Греция отказывается от Игр.

– Что вы собираетесь делать? – спросил Викелас, когда Кубертен ознакомился с содержанием письма.

– Поеду на развалины стадиона, – невозмутимо ответил барон.

...Город проснулся, он копошится и смеется, работает и болтает. На многолюдных улицах, пахнущих фруктами и солеными маслинами, женщины торгуются с продавцами, разложившими товары прямо на тротуаре или на небольших лотках, сплетничают о разных пустяках. Перед зданием университета студенты в своих разговорах свергают правительство и переустраивают мир. В шум толпы то и дело врывается звук рожка: экипаж просит дорогу. Весь город залит солнцем, оно отражается в оконных стеклах, зайчиком прыгает по беломраморной облицовке домов, высвечивает колонны в развалинах древнего стадиона. По подсчетам Кубертена, на реконструкцию стадиона и оборудование других мест для олимпийских соревнований потребуется 200 тысяч драхм.

– Надо достать двести тысяч драхм, и Первые Олимпийские игры нового времени будут проходить здесь, – говорит он Викеласу.

Через час в номер отеля «Англетер», в котором остановился Кубертен, постучали. Барону нанес визит поверенный в делах Франции господин Моруар. Он настроен более чем пессимистически.

– Вы спровоцировали серьезный политический кризис, – чуть ли не с порога заявляет он. – Глава оппозиции Делианис вступился за Игры. Премьер Трикупис – против. Речь идет о его портфеле. Пресса разделилась на два лагеря. В Афинах все говорят только об Играх.

– Викелас сказал мне, что народ с большим интересом принял идею проведения Олимпийских игр.

– О, народ, знаете ли...

– Это важно! – говорит Кубертен.

Через некоторое время в отель собственной персоной является Карилаос Трикупис. Должно быть, он слишком заинтересован в решении этой проблемы, вновь возникшей с приездом француза, раз решился нарушить протокол. Кубертен принимает его со своей обычной учтивостью. Трикупис любезен в разговоре и тверд в своем отказе; Кубертен улыбается.

– Греция не располагает достаточными финансовыми возможностями, – говорит премьер-министр.

– Речь идет о двухстах тысячах драхм...

– Ваши подсчеты, мне кажется, далеки от истины.

– Они точны, ваше превосходительство.

– Допустим, вы правы, но посмотрите на проблему с другой стороны: как за границей станут судить о стране, которая, будучи покрыта долгами, пускается в расходы?

– Бесплезные, ненужные расходы?

– Скажем, расходы на удовольствия.

– Все сооружения достанутся Афинам, то есть юным жителям города. Двести тысяч драхм для афинской молодежи – разве это много? Кто же не поймет отца семейства, подписывающего новый долг для того, чтобы его сыновья вернули Греции ее славное прошлое?

– Изучите досконально наши ресурсы и стоимость Игр, – просит Трикупис, уходя, – и вы убедитесь, что для нас эта затея невозможна.

В тот же день Кубертен пишет редактору газеты «L'Asty» письмо, которое заканчивает такими словами: «У нас, французов, есть поговорка: слово «невозможный» – не французское. Некто сказал мне сегодня утром, что оно греческое. Я этому не верю».

«Все Афины говорят только об Играх», – сказал Кубертену французский посланник. Барон и сам может в этом убедиться. Он ходит по улицам города с Викеласом, разговаривает со студентами, торговцами, рабочими, кучерами фиакров. Как только речь заходит об Играх, повсюду одинаковое возбуждение, одинаковая надежда.

В эти дня в Греции нет короля Георга, он уехал в Петербург. Если бы монарх был в Афинах, Кубертен обязательно попросил бы аудиенции и уговорил бы его. Теперь он добивается встречи с наследным принцем Константином, герцогом Спарты. Принцу двадцать шесть лет. Он красив, мужествен, предприимчив, любит спорт, пользуется популярностью. Кубертен пускает в ход все свое красноречие, чтобы сделать его союзником. Услышав доводы Кубертена в пользу Олимпийских игр, принц заколебался. Кубертен говорит ему о Греции – не той, прежней, древней, но о Греции сегодняшней. Принц видит перед собой не поклонника античности, а человека, который живо интересуется проблемами современных греков, их недавней историей. Француз вспоминает о восстании греков против турецкого господства в 1821 году, когда «мир уже не знал, что вообще есть Греция». Европа в то время переживала период реакции после поражения французской революции. Короли претендовали только на роль жандармов для своих народов, и одно лишь слово «восстание» заставляло их дрожать. Главы многих государств тайком помогали туркам: выгоднее поддерживать сильных.

Отчаянные призывы греков трогают лишь простой народ да людей искусства. Английский поэт Джордж Байрон становится борцом за свободу Греции. Резня в Чио оставляет равнодушными политических деятелей, но обливается кровью полотно французского живописца Эжена Делакруа. Во многих странах создаются комитеты помощи Греции, заставляя правительства вмешаться и остановить кровопролитие. Наконец Греция свободна! Триста тысяч греков сложили головы за то, чтобы оставшиеся шестьсот тысяч стали хозяевами своей судьбы.

– Именно в эту Грецию я верю, – заканчивает Кубертен.

– А я, – говорит принц, – верю в Олимпийские игры.

Константин заявляет премьер-министру, что намерен поддержать Кубертена, и признает Организационный комитет Олимпийских игр.

Кубертен не теряет времени даром: наносит визиты общественным деятелям, посещает редакции газет и, наконец, выступает в литературном клубе «Парнас» с лекцией «Спорт в современном мире и Олимпийские игры». Зал был набит битком. Кубертен повторил многое из того, что говорил в Сорбонне по поводу возрождения Олимпиад, в общих чертах нарисовал картину античных Игр и далее решительно изложил свои самые смелые мысли о влиянии спорта на духовное развитие человека, о демократии и интернационализме. Подчеркивая интернациональный характер спорта, он говорил о том, что нужно радоваться успехам не только своих земляков, но и всех приехавших на Игры.

– Слово «чужестранец», – говорил Кубертен, – не должно бытовать в спортивном лексиконе. Победы атлетов из других стран должны не огорчать, а вдохновлять на упорные тренировки. Позорным должно стать не поражение, а неучастие в Играх.

Он призвал собравшихся превратить Первые Игры в праздник мира. Эта лекция имела шумный успех и заметно пополнила число сторонников Игр. Можно сказать, что она родила волну, которая смела последнее сопротивление противников Игр.

Перед отъездом из Афин Кубертен собрал Организационный комитет и сказал:

– Для вас, наследников древних греков, все будет просто. Сооружения? Они у вас уже есть, по крайней мере почти все. Организаторы? Само ваше присутствие здесь дает на этот счет твердую гарантию. Энтузиазм ваших соотечественников? Об этом даже говорить не приходится. Но надо тотчас же приниматься за дело. Каждый потерянный день работает против нас. Что касается программы, она разработана подробно французскими и американскими специалистами.

По пути домой Кубертен совершает паломничество в Олимпию. Он бродит среди развалин древних храмов, гуляет по берегу Алфея, читает высеченные на колоннах имена олимпийцев...

Мать битв, приносящих золотые венки,
Олимпия, хозяйка правды, —

вслух произносит Кубертен стихи Пиндара.

После отъезда Кубертена поэзия уступает место прозе. Премьер-министр Греции предпринимает последние попытки сорвать Игры. По его указке депутат Скулудис, член Организационного комитета, критикует бюджет, составленный Кубертенем, говорит, что он намного занижен, убеждает своих коллег в неразумности предприятия, составляет вместе с ними коллективное ходатайство, мотивируя отказ от Игр невозможностью достать необходимую сумму денег.

Тогда принц Константин решительно берет все на себя, реорганизует комитет, удалив из него оппозицию, назначает генеральным секретарем бывшего мэра Афин Тимолеона Филимона и руководит всеми заседаниями комитета вплоть до начала Игр.

Трикупис открыто выражает недовольство принцем и, воспользовавшись первым же столкновением с ним, просит короля выбрать между своим сыном и премьером. Король, естественно, не становится на сторону министра, и тот вынужден подать в отставку. Отныне судьба Игр полностью в руках Организационного комитета.

В Афины начинают прибывать средства со всех концов страны, деньги из-за границы комитет отказывается принимать. Благодаря щедрости греков сумма олимпийского фонда дошла до 332 756 драхм. Но этого было недостаточно. Кубертен действительно ошибся в

расчетах. Тогда как нельзя кстати оказалось предложение основателя греческой ассоциации коллекционеров почтовых марок Деметриса Сакарафоса выпустить первые в мире олимпийские марки. Стоимость марок должна была превышать почтовый тариф, а выручку от реализации этого выпуска Сакарафос предложил направить в фонд проведения Игр. Идею Сакарафоса подхватили газеты. Греческий парламент утвердил закон о выпуске первых в мире олимпийских марок. Правительство выделило четыреста тысяч драхм под продажу этих марок. Кубертен вспоминал впоследствии: «После выпуска олимпийских марок успех организации Олимпийских игр был предрешен».

Наконец, греческий богач и меценат из Александрии Георгиос Аверофф дал миллион драхм (тогда это равнялось 184 тысячам долларов) на реконструкцию стадиона из белого пентеликского мрамора, того самого стадиона, который построили еще в IV веке до н. э. и от которого остались только развалины – следы, почти стертые временем. Благодаря этому Аверофф оказался на некоторое время в центре всеобщего внимания и, в определенной мере, потеснил самого Кубертена. Возле стадиона даже воздвигли бюст мецената (он, кстати, стоит там и по сей день), а на церемонии открытия Игр его заслуги превозносились до небес. Имя Кубертена вообще не упоминалось. Когда же он попытался напомнить о своем авторстве публично, одна из афинских газет обозвала его «вором, пытающимся лишить Грецию ее наследия». Со временем Греция присоединилась ко всему миру в признании заслуг барона де Кубертена – истинного организатора Олимпийских игр современности.

За полгода до начала Игр Организационный комитет разослал во многие страны приглашения:

«16 июня 1894 года в парижской Сорбонне состоялся Международный спортивный конгресс, который принял решение возобновить Олимпийские игры и назначил проведение I Игр в Афинах на 1896 год.

Согласно этому решению, воспринятому в Греции с большим воодушевлением, Всеафинский комитет под председательством Его Королевского Высочества принца-регента Греции посылает Вам это приглашение на открытие соревнований, которые состоятся с 6 по 15 апреля 1896 года в Афинах. При этом прилагаем условия соревнований.

Это приглашение рассылается согласно полученным полномочиям от находящегося в Париже Международного олимпийского комитета.

Надеемся на Ваш скорый ответ.

Генеральный секретарь Греческого олимпийского комитета Тимолеон Филимон. Афины, 30 сентября 1895 года».

Казалось бы, все, слава Богу, уладилось. Но начались новые трудности, уже не в Греции. Во Франции руководители стрелкового спорта отказываются подчиняться Международному олимпийскому комитету и не хотят участвовать в Играх. Французское правительство, оказавшее горячую поддержку идее Игр, не выказывает большого желания финансировать поездку в Афины легкоатлетов. Гимнасты, демонстрируя свой патриотизм, заявляют, что они не поедут на Игры, если там будут немцы. В свою очередь немцы отказываются от участия, ссылаясь на сдержанное к ним отношение Кубертена. Россия проявляет полное равнодушие и вообще ничего не предпринимает. Английское правительство выражает недоверие Играм. Бельгия отказывается послать своих гимнастов, говоря, что гимнастика и спорт разные вещи. И только члены МОК англичанин Чарльз Херберт и американец Уильям Миллиган Слоуэн оказывают Кубертену полную поддержку.

Чтобы понять равнодушие многих современников к идее Кубертена, попытаемся окунуться в те времена – последние несколько лет XIX века, которые не очень удачно получили

название «прекрасной эпохи». На самом деле вся Европа жила в лихорадочном предвоенном мире, кружась в вихре удовольствий, как в венском вальсе.

Париж, центр искусства и культуры, оставался лучом, который притягивал к себе весь мир. Персидский шах вызвал восхищение на парижских бульварах своими закрученными кверху усами и чуть не породил дипломатический скандал, заявив президенту Франции Фору, который присутствовал вместе с ним на балете в Гранд Опера, о своем желании взять часть звезд кордебалета в свой гарем.

Последние годы XIX столетия прошли под знаком укрепления франко-российских отношений. Николай II вместе с царицей были встречены с триумфом в Париже в 1896 году. Французы говорили: «Надо отдать должное русским: они открыли импрессионистов и так активно участвовали в покупке их картин, что цены на них, до того очень скромные, неизменно подскочили».

Два гениальных брата собирают толпы любопытных в подвале одного из отелей. Это рождение кино. Его создатели считают свое изобретение вполне безобидным и не могут себе представить, что буквально через десяток лет их детище вызовет коммерческий бум.

Кроме всего прочего, мир всколыхнуло дело капитана Дрейфуса, осужденного только потому, что он был евреем. Вскоре вся Франция была разбита на два лагеря: с одной стороны приверженцы истины, с другой – антисемиты и якобы сторонники порядка в армии, сторонники государственных интересов. Истина восторжествовала только спустя шесть лет, после того как в защиту несправедливо осужденного выступили Эмиль Золя, Анатоль Франс, Клемансо, Жорес...

И в это время скромный, но очень упрямый барон из Нормандии проповедует интернационализм и пробуждение мирового сознания. Забавное совпадение, оно лишь подтверждает пословицу о том, что нет пророка в своем отечестве.

Но, тем не менее, проходит какое-то время, и Кубертен может, наконец, вздохнуть спокойно. Многие препоны преодолены, от некоторых стран получены подтверждения об участии в Играх.

...И вот наступил долгожданный день – 6 апреля 1896 года. Раздался пушечный выстрел, и над стадионом поплыли звуки олимпийского гимна, сопровождаемого ангельским пением женского хора. Эхо музыки, которая принесла славу оперному композитору Спиро Самара, ныне абсолютно забытому, отозвалось далеко за холмами, обрамляющими город.

Задача этой книги не подробный рассказ об Олимпийских играх, о соревнованиях и спортсменах, нет, наша задача более скромная – рассказать о том, что мешало организовать Игры, проводить их, постараться раскрыть самые неприглядные стороны и ситуации, в которые зачастую попадали участники и организаторы этого поистине великого явления мировой общественной жизни. Поэтому не будем останавливаться на том, как проходили соревнования, если они проходили нормально с точки зрения спортивной, этической, юридической, да и любой другой. Остановимся лишь на том, что выходит за рамки общепринятой нормы.

Соревнования по плаванию на Играх I Олимпиады проводились в открытом море, в морской гавани греческой столицы. Дело в том, что в то время в Афинах еще не было построено ни одного бассейна. Линии старта и финиша были отмечены канатами, прикрепленными к поплавкам. Погода стояла пасмурная, море волновалось, температура воды едва достигала тринадцати градусов. Один из участников состязаний, пловец Джон Уильямс из США, вылез на берег сразу после старта и заявил, что в такой холодной воде проводить состязания нельзя. Организаторы проигнорировали претензии американца. Первым олимпийским чемпионом по плаванию стал замечательный венгерский спортсмен Альфред Хайош, он завоевал две

золотые медали: на самой короткой дистанции – 100 м вольным стилем, и на самой длинной – 1200 м. Вот как он позже вспоминал свои афинские баталии:

«На дистанции в тысячу двести метров стартовали пятнадцать участников. На трех маленьких суденышках нас доставили в открытое море, которое было довольно беспокойным. Тело мое было покрыто слоем жира толщиной в палец: я пытался защитить себя от ледяной воды. По сигналу стартового пистолета мы прыгнули в воду, после чего суденышки оставили нас и поспешили к финишу, чтобы доложить жюри, что старт прошел успешно. Признаться, я слегка содрогнулся от мысли: что будет, если от холодной воды участников схватит судорога? Инстинкт самосохранения заслонил желание победить, отчаянными гребками я рассекал воду и успокоился только тогда, когда суденышки снова повернули к нам и начали вылавливать из воды отказавшихся от борьбы окоченевших пловцов. Я в это время находился уже неподалеку от горловины бухты. Все более усиливался гул толпы. Своих соперников я победил с большим преимуществом. Однако самую большую борьбу пришлось вести не с ними, а с четырехметровыми морскими волнами и ужасно холодной водой...»

Первое серьезное нарушение спортивной этики произошло на Первой Олимпиаде, и связано оно с марафонским бегом. Сразу после финиша пришедший четвертым венгр Дезе Кельнер заявил протест, требуя дисквалификации греческого бегуна С. Васиلاكоса, занявшего третье место, поскольку тот, по словам Кельнера, появился перед ним буквально на последних сотнях метров дистанции. Расследование таинственного происшествия не заняло много времени, так как вскоре нашлись свидетели, видевшие, как Васиلاكос с завидным самообладанием преодолел значительную часть дистанции на повозке, запряженной резвыми лошадьми, и вновь включился в соревнование на заключительном отрезке марафона. Нарушитель был дисквалифицирован и публично лишен права носить национальную форму. Венгерский марафонец получил свою законную бронзовую медаль, а также золотые часы в знак компенсации за понесенный моральный ущерб.

Справедливости ради можно упомянуть о том, что на Играх I Олимпиады нередко были проявления благородства и других положительных человеческих качеств. К примеру, удивителен поступок победителя в стокилометровой гонке на велотреке француза Леона Фламана. Своим джентльменским поведением во время соревнований Фламан завоевал симпатии публики, а после гонки стал одним из самых популярных спортсменов Афинской Олимпиады. А произошло вот что. Фламан вел гонку и вдруг заметил, что его соперник грек Георгиос Колеттис остановился. Оказалось, что у того сломался велосипед. Тогда француз тоже остановился и стал ждать, пока его сопернику сменят машину. Только после того как грек сел в седло, Фламан возобновил гонку и одержал вдвойне убедительную победу. Но это тема совсем другой книги.

На заре XX века

Последний год XIX столетия. Уже почти затихла буря негодования, которую вызвал «гвоздь» Всемирной выставки 1889 года – огромная вышка из стальных ферм, поставленная инженером А.-Г. Эйфелем и названная Эйфелевой башней. Известный французский писатель Андре Моруа писал:

«Эта мачта беспроводного телеграфа для великанов ни красива, ни безобразна. Это – железный остов, дерзость и размер которого сделали его известным всему миру».

Прошло совсем немного времени, и эта башня стала неотъемлемой частью облика Парижа. Разве можно представить сейчас Париж без Эйфелевой башни?

Последний год XIX столетия. Парижанам хотелось, чтобы этот последний год века закончился апофеозом. Париж готовился к своей третьей Всемирной выставке. В тени Эйфелевой башни, вдоль набережной Сены, на площади перед Домом инвалидов прогуливались парочки: мужчины в цилиндрах, в ботинках на пуговицах, с аккуратно подстриженными бородками и победно торчащими усами увлекали за собой своих дам в шуршащих туалетах, с осиными талиями и роскошными волосами, спрятанными под вуалью. С огромным любопытством, присущим всем празднующимся, они осматривали строящиеся сооружения выставки. Строительство шло полным ходом. Плотники, художники, декораторы спешили, расталкивая друг друга. Атмосфера была приподнятой и в то же время деловитой.

Во всем чувствовалось приближение выставочных торжеств. Даже на строительных лесах рабочие распевали популярные в те времена арии из оперетт «Парижская жизнь» и «Сказки Гофмана». Модно было и все русское: ожидалось прибытие русского царя, самодержца всея Руси Николая II. Он должен был официально открыть широкий мост через Сену, украшенный по последней моде, мост, который впоследствии будет носить имя его отца – Александра III. Воздух Парижа был напоен ароматом приближающегося праздника.

Парижане, которые со все возрастающим лихорадочным нетерпением ждали открытия выставки, гадали, что они увидят, и загадывали, куда бы пойти, чтоб, не дай Бог, не пропустить самое интересное. Быть может, в Булонский лес, нет, лучше на выставку технических новинок, а может, посмотреть на атлетов, которые несомненно блеснут своим мастерством на подмостках? Или на стадион? Кто пробежит быстрее всех? У кого больше бицепсы? Кто сильнее всех?

В Европе тогда только и говорили о профессиональном английском велогонщике Чарли Мэрфи, который покрыл дистанцию в одну милю за 1 минуту, двигаясь за... паровозом. Как уж это ему удалось? Наверное, на всем пути следования на шпалы были прибиты планки, чтобы он мог «приклеиться» к паровозу, который его тащил.

В шуме и гуще этих событий Пьер де Кубертен думает о II Олимпийских играх, которые в знак признания его заслуг Международный олимпийский комитет решил провести в Париже. Но у французского национального олимпийского комитета не оказалось достаточных средств. Выход из создавшегося положения Кубертен видит лишь в одном: использовать Всемирную выставку, приурочив к ней Игры.

Кубертен разработал программу Игр и представил ее организаторам Всемирной выставки. Ответственный за спортивные и развлекательные мероприятия выставки, прочитав предложения барона, воскликнул:

– Ваш проект – это просто безделица! Да все умрут от скуки, глядя на ваши невинные состязания по строгим правилам. Нам нужно нечто экстравагантное. Ваши любители нас не интересуют. Нам нужны настоящие спортсмены-профессионалы.

После этого Кубертен с горечью записывает в своем дневнике:

«Если и есть в мире место, где к Олимпийским играм абсолютно равнодушны, то это место – Париж».

Организацию Игр взял на себя Союз спортивных обществ Франции. Он уговорил владельца одного из прекраснейших замков в Курбеуа сдать его в аренду, надеясь создать там все условия для проведения в этом поместье основных состязаний. Но за два месяца до начала соревнований хозяин вдруг отказался от договора, мотивируя свой отказ тем, что спортсмены могут испортить его замечательный парк.

Игры оказались под угрозой срыва, но Международный олимпийский комитет все-таки сумел договориться с организаторами Всемирной выставки. Тем не менее в высших сферах французского общества Олимпийские игры рассматривались всего лишь как часть развлекательной программы выставки.

Пьер де Кубертен практически был отстранен от руководства. Это еще раз доказывает, что «нет пророка в своем отечестве». Ответственность за организацию Игр была возложена на некоего Даниеля Мериллона, чьи спортивные познания ограничивались стрельбой, да и то, как писали французские газеты того времени, он при подготовке Олимпиады «забыл правильно прицелиться».

В противоположность тому, что происходило четыре года назад в Афинах, где вся программа, включавшая многие виды спорта, была рассчитана на десять дней, Парижские Игры растянулись на пять месяцев. Открытие Игр состоялось 20 мая 1900 года, закрытие – 28 октября. Соревнования по легкой атлетике и гимнастике проходили в июле, по плаванию и гребле – в августе, по велоспорту – в сентябре... Такой растянутый календарь, конечно, не мог способствовать успеху Игр, не мог сосредоточить всеобщее внимание на Играх.

Ко всем трудностям, преследовавшим Игры с самого начала, организаторы II Олимпиады сумели добавить еще и дополнительные. 14 июля должны были состояться финальные соревнования по легкой атлетике. Но так как 14 июля – национальный праздник, день взятия Бастилии, который французы очень торжественно отмечают грандиозным военным парадом, было слишком мало надежд на то, что в этот день кто-нибудь приедет в Булонский лес на соревнования, и денежная выручка могла оказаться ничтожной. Поэтому организаторы, недолго думая, перенесли финалы на следующий день. Следующим днем было воскресенье. Решение Оргкомитета вызвало недовольство части американских и британских атлетов-протестантов, так как в протестантской традиции считается предосудительным посвящать воскресенье светским развлечениям, и они по религиозным соображениям отказались выступать. Остальные, вопреки религиозным канонам, вышли на стадион. Таким образом, победителями в некоторых видах программы стали не самые сильные атлеты.

Первые три места в марафонском беге заняли французы, хотя накануне Олимпиады бесспорными фаворитами считались американские атлеты. На финише один из американцев обратил внимание на то, что победители, в отличие от остальных бегунов, не испачканы грязью, хотя на пути спортсменов находилась большая лужа, обежать которую было невозможно. Проигравшие обвинили французов в том, что те воспользовались знанием парижских улиц и срезали маршрут. Обвинения на решение арбитров не повлияли: золотая, серебряная и бронзовая медали достались хозяевам Олимпиады.

Новшеством, весьма далеким от принципов олимпизма того времени, явились соревнования фехтовальщиков – турнир по трем видам оружия... среди профессионалов! Называлось это соревнованиями для преподавателей фехтования. Но все прекрасно знали, что фехтовальные мастера – профессионалы, причем во Франции, Италии и других странах с развитыми фехтовальными традициями люди весьма уважаемые.

Таким образом организаторы Игр пошли в разрез с главной олимпийской идеей, с самым основным тогда постулатом олимпизма – любительством. Это сегодня участие в

Играх профессионалов почти по всем видам спорта никого уже не удивляет – сегодня можно все! – а тогда, на заре олимпизма, это, конечно, выглядело довольно кощунственно.

Ни на одной Олимпиаде после Парижской места соревнований не были так разбросаны по всему городу и так отдалены друг от друга. Соревнования проходили не только в различных частях Парижа, но и в предместьях французской столицы. Фехтование – в Тюильри, плавание – в Аньере, теннис – на острове Пюто, неподалеку от собачьего кладбища, гимнастика – в Венсенском лесу... Не было ни официальной церемонии открытия, ни парада закрытия. Короче говоря, все прошло в виде эдакой импровизации.

Если заглянуть в прессу того времени, невольно придется констатировать ее крайнюю сдержанность. До такой степени, что даже сегодня трудно составить точный список победителей. Не говоря уж о том, что до сих пор продолжают споры относительно принадлежности того или иного вида спорта к олимпийской программе. Вот один из многих примеров: немцы и французы продолжают претендовать на лавры победителей в соревнованиях по академической гребле на четверке с рулевым, так как было проведено два заезда – один выиграл экипаж из Гамбурга, другой – экипаж из Рубе, но никто пока не определил точно, какой же из этих двух заездов был настоящим.

Самая забавная история произошла с французом Мишелем Теато. Теато был одним из садовников Рэсинг-клуба и блистал в беге на длинные дистанции. К тому времени он уже одержал множество побед в соревнованиях самого различного ранга. Когда Мишель узнал, что на выставке предполагается провести забег на 40 километров, он записался и через несколько дней выиграл этот сверхдлинный пробег. Его имя было бы навсегда забыто, если бы через двенадцать лет вдруг не обнаружили, что эта дистанция практически совпадает с олимпийским марафоном. Тогда победителю, несмотря на двенадцатилетнее опоздание, вручили золотую олимпийскую медаль, что явилось для него полнейшей неожиданностью.

В 1965 году Французский олимпийский комитет для того, чтобы узнать, кто из призеров Парижской Олимпиады еще жив, воспользовавшись книгой венгерского олимпийского историка доктора Ференца Мезе, собравшего результаты всех Игр, обнаружил, что некий француз Васеро числится вторым в спринтерской велосипедной гонке. Его нашли, и престарелый (ему было почти под девяносто) спортсмен с трудом вспомнил, что действительно в 1900 году участвовал в гонках в Венсенском парке. Но никто в то время не сказал ему, что он участвовал в Олимпийских играх. Ему вручили серебряную медаль, и он умер в 1968 году как призер Олимпийских игр. Такие казусы, связанные с Парижской Олимпиадой, к сожалению, нередки. Список чемпионов Игр 1900 года с большим трудом восстановили в 1912 году, но кое-что в нем до сих пор вызывает сомнения. Например, можно ли всерьез принимать некоторые соревнования, такие, как плавание, которое проводилось в мутной воде Сены и сильное течение раскидало пловцов по всей реке.

А вот что написал репортер газеты «Спорт Универсал» по поводу соревнований по гребле: «В этом виде спорта участвовали неотесанные грубые парни, которые своими криками пугали мирно отдыхающих на берегах Сены людей».

Парижские организаторы, как уже говорилось, не особенно обременяли себя даже теми обязанностями, которые им вменялись требованиями МОК. В частности, они не позаботились о том, чтобы вовремя были отчеканены наградные олимпийские медали, не говоря уж о памятной медали, которую так и не сообразовали изготовить. А победителям и призерам вместо медалей вручались различные подарки – книги, вазочки, зонтики и так далее. Это породило массу неурядиц и недовольств. Международный олимпийский комитет восстановил справедливость и через некоторое время отчеканил медали и вручил их победителям и призерам.

Снова в тени Всемирной выставки

Когда перед Международным олимпийским комитетом встал вопрос, кому поручить организацию Игр III Олимпиады, было решено: поскольку спортсмены Соединенных Штатов Америки особенно успешно выступали на двух первых Играх, пора им принять Олимпиаду у себя. Сначала речь шла об организации Игр в Чикаго – одном из крупнейших промышленных городов на севере США. Но вдруг у такого авторитетного олимпийского кандидата появился неожиданный конкурент – Сент-Луис. Это был тогда не очень большой провинциальный город, уютно расположившийся на главной водной артерии Соединенных Штатов – реке Миссисипи, чуть ниже того места, где в нее впадает река Миссури. О количестве жителей в этом городке в начале века можно только догадываться, если принять во внимание, что по переписи 1980 года в нем проживало 451 тысяча человек. Тем не менее уже тогда это был второй по величине город штата Миссури, один из важных транспортных узлов в группе штатов Северо-Западного Центра. Здесь торговали зерном, хлопком, табаком, лесом, скотом...

Сент-Луис должен был устроить в 1903 году Всемирную выставку, но она не была готова, организаторы обещали открыть ее только в 1904 году. И никто никогда не узнает, было ли это опоздание случайным или намеренным. Но, как бы там ни было, оно позволило Сент-Луису добиться права на проведение Игр. Чикагские власти протестовали, заявляли о том, что жители города уже собрали 120 тысяч долларов на проведение Игр, обещали перечислить в фонд МОК все доходы от продажи билетов на соревнования – не помогло. Тогда они стали кричать о махинациях, обвинять Национальный олимпийский комитет во взяточничестве, даже угрожали всяческими разоблачениями. Пришлось прибегнуть к арбитражу президента Теодора Рузвельта, который высказался в пользу Сент-Луиса.

Так Сент-Луис стал столицей Игр III Олимпиады. И вот так Игры снова были приурочены к Всемирной выставке. В результате, как впоследствии признавали многие олимпийские историки, Олимпиада прошла в тени ярмарочных павильонов, немало потеряв в пропаганде олимпийского спорта и превратившись в чисто американское мероприятие. Поэтому с полным правом можно сказать, что это были американские игры. Многие европейские спортсмены не приехали на Олимпиаду: слишком велика была стоимость проезда. Правда, организаторы обещали прислать в Европу специальный пароход, который должен был бесплатно доставить участников на американский континент. Но сколько европейцы ни всматривались в горизонт, морского лайнера из США они так и не увидели. К слову, некоторых остановила не только дороговизна трансатлантического путешествия, но и перспектива очутиться в незнакомой и полудикой, по представлениям многих, стране. Да, именно так тогда многие представляли далекую Америку.

На Играх Олимпиады был показан ряд выдающихся результатов в легкой атлетике – было установлено 16 олимпийских рекордов, два из которых превышали мировые. Рекорд выдающегося американского атлета Арчи Хана в беге на 200 метров – 21,6 – продержался до 1932 года. Это тем более удивительно, что дистанция в итоге оказалась на метр больше классической. Получилось так, что участники финала на двухсотметровке трижды допустили фальстарт, и тогда судья, дававший старт, раздраженный невозможностью выявить конкретных виновников, принял свехоригинальное решение: отодвинул всех на метр от линии старта. Так Арчи Хан стал единственным олимпийским чемпионом в беге на 201 метр.

На соревнованиях по легкой атлетике не обошлось без скандала. Речь идет о невероятном мошенничестве американца Фреда Лорца, участника марафонского забега, дистанция которого проходила по пыльным дорогам, пересекала холмы и равнины. Лорц, который находился в лидирующей группе, через двенадцать километров после старта вдруг остано-

вился: сильнейшие судороги свели ноги. Какой-то болельщик, ехавший за спортсменами на автомобиле, взял Лорца к себе. Вскоре они обогнали всех конкурентов, а за восемь километров до стадиона Лорц сказал, что почувствовал себя лучше и попросил водителя высадить его из машины. Эти восемь километров он добирался пешком, но все-таки достиг стадиона, где был встречен овацией двух тысяч зрителей. Оркестр исполнил государственный гимн США. Дочь президента Алиса Рузвельт вручила ему золотую медаль и сфотографировалась на память с «чемпионом».

Эта комедия длилась до тех пор, пока на дорожке стадиона не появился, спотыкаясь и пошатываясь, американец Томас Хикс. За ним на стадион въехал официальный наблюдатель, который обвинил Лорца в том, что тот часть дистанции проехал на автомобиле. Это вызвало бурю негодования на трибунах. И в то время как действительный чемпион Хикс, потеряв сознание, лежал на земле, лжечемпион был пожизненно дисквалифицирован. Позже он, правда, сумел выпросить прощение, был восстановлен в любительском легкоатлетическом союзе США и на следующий год выиграл в Бостоне первенство страны по марафонскому бегу, на этот раз без посторонней помощи.

Но настоящий чемпион – был ли он лучше ложного? В этом можно усомниться, прочитав записки его тренера Шарля Люка:

«За семь миль до финиша Хикс упал в обморок. Тогда я решил сделать ему инъекцию – ввел один миллиграмм сульфата стрихнина и дал запить глотком французского коньяка. Он побежал дальше, но за четыре мили до финиша мне пришлось прибегнуть к повторной инъекции, после чего он походкой, более или менее похожей на бег, кое-как закончил дистанцию».

В том же забеге другой участник, имени которого история не сохранила, лишился шансов на победу, столкнувшись в пути с собачьей сворой. Марафонец был вынужден спастись в посадках кукурузы по краю дороги и петлять по полю около часа, прежде чем он оторвался от четвероногих преследователей и вернулся на дистанцию.

Весьма оригинальный способ прыжков с шестом продемонстрировал в Сент-Луисе японский прыгун Савао Фуни, впервые в жизни участвовавший в соревнованиях в прыжках с шестом. Он решил, что суть этого вида состязаний заключается в том, чтобы перебраться через планку с помощью шеста. Атлет обзавелся более прочным шестом, чем у остальных участников, воткнул его в песок перед планкой, ловко вскарабкался по нему и перемахнул через планку. Спортсмену объяснили, что прыжок действителен только тогда, когда он произведен с разбега. Выслушав наставления, Фуни вежливо поклонился, взял шест, неторопливо пробежал по дорожке разгона и, приблизившись к яме, вновь повторил прыжок в своем своеобразном стиле. Очередные попытки объяснить олимпийцу суть состязаний успеха не имели. Судьи не поняли «новаторства» японца и аннулировали результат, а спортсмена дисквалифицировали. Обиженный спортсмен заявил, что судьи придираются к нему из-за азиатского происхождения, а в японской прессе появились возмущенные статьи о нечестном судействе.

Соревнования по плаванию проводились в искусственной реке на территории выставки. Плавательная дорожка была весьма примитивной. Ее неправильные формы вызывали ошибки в проведении стартов, которые давались с наспех сколоченного плота, не выдерживавшего веса шести-восьми человек. Плот погружался так глубоко, что ноги стартовых были по щиколотку в воде. Из-за этого в момент прыжка в воду ступни скользили назад и спортсмены буквально падали.

Согласно официальному отчету, на Играх в Сент-Луисе разыгрывалось 85 золотых медалей, но похвалиться званием олимпийского чемпиона смогли 390 человек. Дело в том, что дирекция выставки еще весной начала проводить соревнования, носившие чисто местный характер. Чтобы повысить интерес к этим соревнованиям, их тоже называли олимпий-

скими играми. Так получилось, что 390 человек, выигравшие в течение года эти так называемые олимпийские игры, стали считаться олимпийскими чемпионами и даже получили олимпийские медали. Правда, сами эти медали, как и многих их обладателей, можно назвать олимпийскими с большой натяжкой. На лицевой стороне наградной медали было написано: «Всемирная выставка, Сент-Луис, 1904» и оставлено место, на котором выгравировывали название вида спорта или номера программы. Справедливости ради надо заметить, что на оборотной стороне все же слово Олимпиада присутствовало.

Во время Игр в Сент-Луисе имело место, мягко говоря, печальное явление. Организаторы Игр устроили так называемые «антропологические дни». Они не нашли ничего лучшего, как отвести два дня для соревнований спортсменам «нецивилизованных народов» – индейцам, пигмеям, филиппинцам, патагонийцам... Участники соревнований боролись в грязи, лазали по шесту и метали копья, за что получали отдельные награды, которые, как планировали организаторы, могут быть приравнены к олимпийским. Большинство «спортсменов» были рабочими с выставки. Соревновались они друг с другом в национальных костюмах. Представляя их подобным образом, отдельно, как выставляют редких животных, организаторы Игр дали повод для расистских выпадов, а в официальном справочнике выставки так прямо и было написано: «Представители диких и нецивилизованных племен показали себя слабыми атлетами, доказав на деле, что их способности зачастую явно переоценивают». Этим организаторы Олимпиады 1904 года наносили серьезный удар по самому принципу олимпийского движения. «Антропологические дни» легли черным пятном на Олимпийские игры 1904 года. Против расистской выходки резко выступил Пьер де Кубертен. На заседании Международного олимпийского комитета он гневно восклицал:

– На кой же черт было затевать все это, если расисты, человеконенавистники, плантаторы плюют на нас и вводят на Олимпиадах «антропологические дни»! Оплевана великая идея. Оплевана Хартия. Мир умиляется – дочь американского президента вручает призы. Идиллия! Торжество возрожденного олимпизма! А на самом деле – расизм. Олимпиада для белых – и «антропологические дни»! Американцы оплевали великую идею. Как нам не стыдно? Как мне стыдно, господа!

Кубертен добился, что в дальнейшем на Олимпийских играх подобное никогда не повторялось.

III Олимпийские игры в Сент-Луисе по своим масштабам, программе и количеству участников значительно уступали Олимпиаде 1900 года в Париже. Удивительно, но население Сент-Луиса и многочисленные туристы, наводнившие этот город, почти не проявляли интереса к состязаниям: на самых крупных и напряженнейших соревнованиях никогда не присутствовало больше двух тысяч человек.

Да, попытка соединить Олимпийские игры и Всемирную выставку вновь окончилась неудачей.

В Европе Игры III Олимпиады прошли почти незамеченными. Правда, общественному мнению было чем заняться: на Дальнем Востоке начиналась русско-японская война...

Олимпиада судейских ошибок

На организацию IV Олимпийских игр выставили свои кандидатуры четыре города – Берлин, Лондон, Милан и Рим. Но к моменту сессии Международного олимпийского комитета, на которой должен был решаться вопрос о столице Олимпиады 1908 года, осталось три претендента: Олимпийский комитет Германии не сумел заручиться поддержкой своего правительства и вынужден был снять кандидатуру Берлина. МОК тайным голосованием отдал предпочтение столице Италии.

Итальянцы рьяно взялись за подготовку Олимпиады, но вдруг за год с небольшим до Игр отказались от них. КОНИ (Итальянский национальный олимпийский комитет) сообщил в МОК, что он не имеет возможности организовать Игры в Риме из-за скрытой оппозиции в Милане, Турине и других крупных городах страны. Несмотря на то, что Рим был столицей, каждый крупный город в Италии того времени претендовал на свою исключительность и не мог допустить, чтобы Рим был выделен из общего ряда итальянских городов. А Олимпийские игры давали Риму такую возможность. Уж лучше отказаться от Олимпиады совсем, решили в КОНИ. То, что это стало серьезным испытанием для всего олимпийского движения, их не касалось. И если бы не англичане, тут же предложившие свои услуги, быть может, в 1908 году Игры вообще не были бы проведены. Но англичане выручили, и Игры состоялись.

В 1908 году в пригороде Лондона Шепард Буш должна была проводиться франко-британская выставка, и представлялся случай провести в одно время Олимпийские игры и большую ярмарку. Но на этот раз беспокойство Международного олимпийского комитета было напрасным: спорт не был низведен до уровня простого развлекательного аттракциона. Он занял достойное место.

В дни открытия Игр IV Олимпиады над Лондоном, как это нередко бывает на острове, висел густой многослойный серый туман, целыми днями лил затяжной дождь, холод проникал в сердца даже самых терпеливых и выносливых болельщиков. Должно быть, поэтому в день открытия на стадионе было довольно мало зрителей. Зато в ложе почетных гостей было полным-полно высокопоставленных и коронованных особ: начиная с английского короля Эдуарда VII, восседавшего вместе с королевой Александрой, шейха Непала, греческой принцессы и кончая послами Франции, России, Италии...

Впервые во время торжественного парада команды шли под флагами своих стран, и каждая команда была одета в разные костюмы. На предыдущих парадах открытия Игр, если они проводились, участники шли в спортивной форме. На последующих после Лондонской Олимпиады Играх на парады открытия участники выходили во все более интересных и красочных костюмах, постепенно это вылилось в своеобразное состязание кутюрье. И это – парад нарядов, как и позднее состязание технических достижений, архитектуры и многого другого – все больше и больше выводило Олимпийские игры за рамки чисто спортивного события, постепенно они становились тем, чем стали наконец в наше время: не просто праздником молодежи всего мира, но и демонстрацией достижений во всех областях цивилизации.

Итальянский марафонец Дорандо Пиетри не получил никакой медали, но тем не менее всеми единодушно признан одним из героев IV Олимпиады. Старт марафону давался в Виндзоре. По просьбе членов королевской семьи место старта было отнесено к террасе Виндзорского дворца. Оказалось, что от дворца до стадиона «Уайт Сити» чуть больше 42 километров. Если быть уж совсем точным, то 42 километра 260 метров, на 65 метров больше классической марафонской дистанции. Но это обстоятельство не могло служить помехой, и вот жарким июльским утром в дальний и нелегкий путь из Виндзора в Лондон двинулись 56 спортсменов из шестнадцати стран. Среди них малоизвестный кондитер из Италии

Дорандо Пиетри. Незадолго до Олимпиады, буквально за несколько недель до приезда в Лондон, Пиетри блестяще выиграл в Париже забег на 30 километров. Но большой известности эта победа ему не принесла: в Париже не было ни одного из тех спортсменов, кто вышел на старт марафона в Лондоне.

Пресса и убежденные ею зрители считали основным фаворитом южноафриканца Чарльза Хефферсона. И он добросовестно пытался не обмануть их надежд, бессменно лидируя на протяжении 35 километров. Казалось, на сей раз прогнозы оправдаются. Запас времени лидера – сорок минут. Но, как это бывает довольно часто, в действительности все оказалось совсем не так, как предсказывали.

За шесть километров до финиша Хефферсон не выдерживает огромного напряжения и падает прямо на дорогу. Подбежавший врач констатирует: упадок сил. Хефферсон все-таки встает и пытается продолжать бег.

В это время вторым уже бежал Пиетри. Он отставал от лидера на целый километр. Итальянец, предупрежденный о том, что Хефферсон выбился из сил и бежит уже еле-еле, резко спуртует. Довольно быстро он догоняет африканца и на сорок первом километре обходит его.

Но последний рывок слишком дорого дался Пиетри, он тоже переоценил свои силы. С огромным трудом он приближается к воротам стадиона. Почти в бессознательном состоянии появляется на дорожке «Уайт Сити» и, вместо того чтобы бежать налево, поворачивает направо. Судьям стоит больших трудов направить его по правильному пути. Последняя прямая – это настоящий «крестный путь».

В семидесяти метрах от финиша Пиетри плашмя падает на гаревую дорожку. Два врача бросаются ему на помощь. Но он снова поднимается, как боксер после тяжелейшего нокаута, который находит в себе силы встать на ноги буквально за мгновение до того, как рефери на ринге уже хочет произнести: «...девять, аут!», и в полной прострации бежит дальше. Через двадцать метров он падает вновь и – о чудо! – снова встает. Весь стадион, затаив дыхание, напряженно следит за тем, как маленький марафонец ведет нечеловеческую борьбу с самим собой и с последними метрами дистанции.

До финишной ленточки остается всего 15 метров! Именно в этот момент весь стадион поднялся, чтобы приветствовать второго атлета, появившегося на дорожке, – американца Джонни Хэйса. Пиетри, подавленный этим шумом, не выдержал и рухнул на землю. К нему подбегают два человека – судья и журналист (хроникеры того времени говорят, что это был сэр Артур Конан Дойль – «отец» Шерлока Холмса). Они склоняются над итальянцем, хлопают его по щекам, стараясь привести в чувство, поднимают его, ставят на разъезжающиеся, как на льду, ноги и сопровождают, поддерживая под руки, до финишной ленточки. Дорандо Пиетри пересекает ее победителем и... побежденным.

После очень долгих дебатов судейская коллегия все же дисквалифицировала Пиетри за то, что он воспользовался посторонней помощью. Олимпийским чемпионом был объявлен Джонни Хэйс. После награждения королева Александра пригласила Дорандо Пиетри на трибуну и вручила ему золотой кубок, похожий на тот, который получил победитель. Своим удивительным мужеством, твердостью и упорством маленький итальянец заслужил победу. «Крестный путь» Дорандо Пиетри стал самым драматическим событием Игр IV Олимпиады.

Было на Олимпиаде и несколько инцидентов другого характера, связанных с качеством судейства соревнований. Во время легкоатлетических стартов несколько раз возникали столкновения между американцами и англичанами. Началось, правда, еще до соревнований. Во время церемонии открытия Олимпиады произошел первый политический скандал. Как обычно, во время праздника открытия стадион был украшен флагами стран-участниц, но на

сей раз на новом стадионе «Уайт-Сити» организаторы почему-то «забыли» вывесить национальные флаги США и Швеции. А во время торжественного прохождения олимпийцев перед трибуной английского короля Эдуарда VII знаменосец сборной США Мартин Шеридан, протестуя против забывчивости организаторов, не склонил флаг, как того требовали правила, в знак уважения к главе государства – хозяину Олимпиады. Позднее Шеридан заявил, что «этот флаг не склонится ни перед одним королем». Демарш вызвал возмущение британцев и скандал в прессе.

Но когда начались соревнования, противостояние достигло предела. Самый знаменитый скандал произошел во время финального забега на 400 метров. В финал вышли три американских бегуна – Джон Карпентер, Джон Тейлор, Уильям Роббинс и шотландец Уиндхэм Холсуэлл, выступавший за команду Великобритании и установивший в предварительном забеге новый олимпийский рекорд – 48,4 секунды. Американцы решили любой ценой помешать ему выиграть. На этой дистанции был всего один поворот, а дорожка не была размечена. С самого старта Тейлор и Роббинс заботились только о том, чтобы удержать шотландца подальше от бровки, в то время как воспользовавшийся давкой Карпентер убежал навстречу легкой и нечистой победе.

Что произошло дальше, американские и британские источники до сих пор рассказывают по-разному. По британской версии, Карпентер широко расставил локти и пытался оттеснить Холсуэлла вбок (в то время беговой сектор не размечался на отдельные дорожки для каждого спортсмена). По американской версии, Карпентер бежал как положено и никому не мешал. Так или иначе, один из британских арбитров, расставленных вдоль бегового круга, крикнул, что заметил нарушение, судья на финише объявил забег недействительным и порвал финишную ленту. Разразился скандал с взаимными оскорблениями, угрозами и попытками физического воздействия на оппонентов. Британские судьи дисквалифицировали Джона Карпентера и отстранили его от участия в олимпийских мероприятиях.

Все результаты этого забега судейская коллегия аннулировала, а забег решили провести двумя днями позже и по размеченной дорожке. Американцам это решение пришлось не по вкусу, и главный тренер сборной США Джеймс Салливан запретил Тейлору и Роббинсу участвовать в забеге. Уиндхэм Холсуэлл бежал один и, естественно, стал чемпионом. Пожалуй, олимпийская история не знает второй такой уникальной победы, добытой в одиночестве, без соперников. (Разве что можно вспомнить печальной памяти императора Нерона). Кстати, с тех пор забеги на 400 метров проводятся по размеченным на беговой дорожке коридорам, а МОК после этого случая изменил правила судейства на Олимпиадах: бригады судей формируются из представителей стран-участниц состязаний (ранее судей выставяла страна-организатор).

Не менее пикантная ситуация создалась на соревнованиях по перетягиванию каната. Олимпийские правила в этом виде спорта требовали, чтобы участники состязаний были обуты в «обычную обувь, не приспособленную для этого вида состязаний», то есть, чтобы подошвы не были укреплены шипами или другими приспособлениями, помогающими упирается ногами в землю. Британская сборная по перетягиванию каната состояла из группы ливерпульских полицейских, которые явились на состязания в форменных ботинках с укрепленными металлическими бордюрами подошвами и шипами. Американские участники состязаний, считавшиеся главными соперниками англичан, заявили протест и потребовали переобуть соперников. Состоявшая из британцев судейская коллегия протест отклонила, сославшись на то, что сборная Великобритании обута в обычную, повседневную обувь. Американские атлеты отказались от участия в состязаниях, а британцы получили «золото».

Во время велосипедных соревнований произошел инцидент другого рода. Французский велосипедист Морис Шиль легко выиграл гонку на скорость, но его победа, одержанная над англичанами, была поставлена под сомнение судьями. Гонка была объявлена недей-

ствительной, результаты аннулированы под тем предлогом, что победитель превысил на 0,4 секунды лимит времени, указанный в одном из положений о соревнованиях, о котором, кстати, никто ничего не знал.

В Лондоне в 1908 году состоялся первый настоящий олимпийский футбольный турнир. Восемь команд, представлявшие семь стран, подали заявки на участие, Франция решила выставить две команды. Но позднее Венгрия и Богемия из-за политических разногласий забрали свои заявки назад, и число команд сократилось до шести, а стран – до пяти. Два предварительных матча олимпийского турнира закончились с астрономическим счетом: Англия – Швеция 12:1, Дания – Франция II – 9:0. Первая команда Франции и Нидерланды получили право непосредственного выхода в полуфинал из-за отказа Венгрии и Богемии. В полуфинале Дания встретилась с первой командой Франции и одержала победу со счетом 17:1. Это самый большой счет, когда-либо зафиксированный в олимпийских соревнованиях по футболу.

В финал вышли сборные Англии и Дании. Победили со счетом 2:0 хозяева Олимпиады. В матче за третье место должны были играть французы и голландцы, но французские футболисты, решив, что они пропустили уже достаточно голов, спокойно уехали к себе домой.

Интересная борьба развернулась в типично зимнем виде спорта, включенном в программу летней Олимпиады, – фигурном катании на коньках. Именно здесь спортсменом из России была завоевана первая золотая олимпийская медаль. Это сумел сделать Николай Коломенкин. Его спортивный псевдоним, который золотом вписан в олимпийскую историю, – Н. Панин.

Его победа не была случайной. Конькобежный спорт, включая фигурное катание, появился в России в середине XIX столетия. И уже первые десятилетия его существования говорили о высоком классе русских скороходов и фигуристов. Петербуржец А. Паншин три года подряд (1887–1889) завоевывал первенство в открытых чемпионатах Австрии по скоростному бегу на коньках, а в 1888 году выиграл международный турнир в Амстердаме. Фигурист А. Лебедев получил первый приз в крупнейшем соревновании сильнейших мастеров Европы и Америки в Петербурге в 1890 году. Фактически эти соревнования были неофициальным первенством мира.

В феврале 1908, олимпийского, года в Петербурге было решено провести международные соревнования по фигурному катанию на коньках – Кубок памяти А. Н. Паншина. В самом этом факте ничего, в общем-то, удивительного не было – это ведь не первые международные соревнования в России (за пять лет до этого в Петербурге прошел чемпионат мира по фигурному катанию), но особый вес им придавало участие семикратного чемпиона мира Ульриха Сальхова. Да, сам Ульрих Сальхов – национальная гордость Швеции – прибыл на этот турнир.

Кроме знаменитого шведа, в состязаниях приняли участие еще пять человек, из них трое русских фигуристов: Н. Панин, К. Олло и Ф. Датлин. Самым известным из этой тройки был Николай Панин. После смерти Паншина, он прочно завоевал звание «Лучшего конькобежца России по фигурному катанию». Звание это разыгрывалось с 1897 года, и первые четыре года его неизменно выигрывал А. Паншин. А с 1901 до самой Лондонской Олимпиады им владел Николай Панин-Коломенкин. «Журнал атлетики и спорта» – орган Санкт-Петербургского кружка любителей спорта – описывал, как в 1905 году Панин в очередной раз стал лучшим фигуристом России.

Для получения этого звания требовалось исполнить пять обязательных фигур, а также произвольную программу в течение пяти минут. «При оценке обязательных фигур, – рассказывал читателям корреспондент журнала, – принимаются во внимание: правильное выполнение рисунка, стройность и свобода движений, величина рисунка на льду, покрытие следа при троекратном повторении фигуры. При оценке произвольного катания принимаются во

внимание: содержание исполненной программы (трудность и разнообразие фигур) и исполнение программы (связность фигур и стройность, свобода и уверенность движений)».

Так как оспаривать у Панина звание лучшего никто не явился (видимо, испугались, и так все было ясно), то ему была дана норма за школу 300 баллов и за произвольное катание 144 балла. Так вот, Панин, несмотря на то, что боролся сам с собой, получил за школу 360 баллов, а за произвольное катание – 180.

Но вернемся в столицу Российской империи на соревнования 1908 года. Сальхов держал себя очень уверенно. Еще бы! Ведь до этого он только один раз проиграл на чемпионате мира, в 1906 году. На всех последующих соревнованиях он был на голову выше соперников. Особенно блестяще он выполнял обязательные фигуры. И соревнования, как обычно, начались с коронного для Сальхова школьного катания. Швед очень хорошо откатал обязательные фигуры и спокойно уселся на трибуне. Но... молодой фигурист, член Санкт-Петербургского общества любителей бега на коньках Николай Панин вдруг неожиданно выступил лучше. Своим мастерством исполнения специальных фигур Панин настолько морально подавил противника, что расстроенный чемпион не сумел занять даже второго места и пропустил вперед себя К. Олло. Только в произвольном катании Сальхов сумел собраться и стать первым, но это не спасло его от поражения в целом. Кубок завоевал Николай Панин. Вот что писал об этом соревновании журнал «Спорт», выходящий в Петербурге: «Состязание собрало шесть конкурентов и ознаменовалось поражением Сальхова, только что в седьмой раз взявшего перед этим первенство мира. У всех пяти судей первым оказался Н. Панин. Если и была некоторая уверенность в том, что в специальных фигурах русские одержат верх, то никто не ожидал, чтобы один из них оказался победителем и в совокупности школьного и произвольного катания... Сальхов сдал в том, что составляло его главную силу, – в школе... В специальных фигурах Панин выделялся еще резче... Только в произвольном катании Сальхов стал победителем, оказавшись в общем счете вторым после Панина...»

Прошло несколько месяцев, и соперники встретились вновь. Но уже не на маленьком турнире, а в Лондоне, на Олимпийских играх. 29 октября олимпийский турнир был открыт школьным катанием, то есть обязательной программой. И здесь Сальхов, не надеясь, по видимому, на чистую победу, прибегнул к приему, не делавшему ему чести как большому спортсмену и многократному чемпиону мира.

Когда Панин начал безукоризненно выполнять восьмерку на одной ноге назад, Сальхов демонстративно выкрикнул:

– Разве это восьмерка? Да она совсем кривая!

На следующей фигуре, явно рассчитывая подорвать самообладание противника, Сальхов повторил громкий словесный выпад, что вызвало протест со стороны Панина. Но Сальхов продолжал свою «психическую атаку», пока его не призвал к порядку главный судья.

Панин катался отлично, но результат соревнования уже заранее был предрешен не в его пользу. О том, как это произошло, Панин потом рассказывал:

– Состав судейской коллегии был неблагоприятен для меня, так как в нее вошли два шведа, личный друг Сальхова – швейцарец Хюгель, немец Вендт и от России Сандерс – всего пять человек. У немецкого судьи и Сандерса я получил за школу первое место, у шведа Гренандера второе – на 9 баллов ниже Сальхова и на 23 балла выше, чем у шведа Турена, занявшего по школе третье место. Но остальная пара «судей» – швед Херле и приятель Сальхова Хюгель дали мне четвертое место. Свою задачу «утопить» меня они выполнили, так как по тогдашним правилам победу решала общая наименьшая сумма мест.

В итоге Панин оказался на втором месте. Судейский произвол был настолько очевиден, что представитель России заявил протест. Но он не был удовлетворен, и тогда уже в порядке личного протеста Панин отказался выступать в произвольном катании. Сальхов стал чемпионом по первому разделу программы.

После окончания соревнований группа шведов – участников и судей – сначала в устной, затем официально, в письменной форме принесла Панину извинения «за недостойное поведение Сальхова». Но, как говорят, поезд уже ушел.

Почему же так неспортивно, позоря свое имя мирового чемпиона, действовал Сальхов? Ответ на это дал второй день соревнований. Когда шведский фигурист увидел рисунки специальных фигур Панина, поданные в судейскую коллегию, Сальхов, чувствуя себя обреченным на поражение, отказался от выступления, не вышел на лед. Вот почему так необходим был ему выигрыш в первый день. Он, видимо, понимал, что Панин может сделать золотой дубль.

О втором дне соревнований Николай Александрович Панин вспоминал в своей книге «Страницы из прошлого», вышедшей в 1951 году:

«Когда Сандерс передал судьям мои фигуры, они единогласно заявили, что одна из четырех фигур невыполнима или в рисунке имеется ошибка. Сандерс подтвердил, что она будет исполнена в точности по чертежу; это была та самая фигура, над которой я столько мучился.

Так оно и вышло: все четыре мои фигуры были исполнены на зеркальной ледяной поверхности совершенно точно...

Когда я выступал в этом соревновании, то с гордостью чувствовал себя представителем своей родины и знал, что здесь уже никакие судейские комбинации не смогут украсть у меня победу».

Русский спортсмен катался великолепно. Судьи вынуждены были единогласно поставить его на первое место, дав ему в общем 219 баллов из 240 возможных, то есть 91,8 процента. Такого высокого результата не добивался тогда никто. В официальном отчете об Олимпийских играх говорилось:

«Панин (Россия) был далеко впереди своих соперников как в трудности своих фигур, так и в красоте и легкости их выполнения. Он вырезал на льду серию наиболее совершенных рисунков с почти математической точностью».

В некоторых видах спорта представители Великобритании – хозяйки Олимпиады – завоевали почти все медали. Это произошло, например, в боксе, гребле, вольной борьбе. Такая же картина наблюдалась на соревнованиях по велоспорту (где англичане уступили только одну золотую медаль французскому тандему), теннису в зале и на кортах, рэкетсу, водно-моторному спорту, парусному спорту.

В хоккее на траве Великобритания выступала тремя командами, которые и разделили все награды между собой. Золото получила команда Англии, серебро – команда Ирландии, бронзу – команда Шотландии. В поло на лошадях картина была еще интереснее – играли только три английские команды и все назывались сборной Великобритании.

Лондонские Игры завещали нам исторические слова, которые часто ошибочно приписывали барону де Кубертену. В действительности эти слова принадлежат епископу Пенсильванскому, который 19 июля 1908 года в соборе Святого Павла во время службы в честь участников Игр, рассказав собравшимся о трагическом забеге Дорандо Пиетри, заявил:

– Главное не победа, а участие!

В Лондоне 1908 года эти слова, учитывая безобразно предвзятое судейство, звучали издевательски.

Спортивная Цусима

Швеция считала большой честью предоставленное ей право организации Олимпийских игр. Шведы просили о проведении у себя Игр с момента создания Международного олимпийского комитета, то есть с 1894 года. И когда на сессии МОК 1904 года в Берлине столицей Игр 1912 года был выбран Стокгольм, они активно принялись за подготовку. Физическая культура в этой самой большой скандинавской стране развивалась гигантскими темпами, и это, естественно, давало право надеяться на успешное проведение Олимпиады.

Кажется, скандинавы первыми прониклись тем духом, о котором столько говорил Кубертен. Они старались организовать Игры с достоинством и простотой, характерной для античности.

Прежде всего организаторы предложили четкую программу Олимпийских игр, что бесспорно было большим шагом вперед. Затем приступили к строительству стадиона, которое доставило шведам немало неприятностей. При строительстве они немного изменили линию виражей беговой дорожки, в результате чего ее длина сократилась до 380 метров 33 сантиметра, хотя круг должен был составлять точно 400 метров. Пришлось начертить одиннадцать стартовых отметок, в которых трудно было потом разобраться.

Не считая этой оплошности, стадион получился хороший: весь из красного кирпича, украшенный двумя большими башнями, с трибунами в виде подковы. Под трибунами располагались помещения для участников, душевые, раздевалки, служебные помещения. Здесь же были развернуты выставки призов, спортивного инвентаря и литературы. Стадион назвали Королевским.

Многочисленную команду направила в Стокгольм Россия – 178 человек, которые выступали почти во всех номерах программы. Но если во многих странах начали готовиться к Олимпиаде 1912 года сразу же после Лондона, то в России вспомнили об Играх лишь в конце 1910 года, когда царское правительство изволило, наконец, признать целесообразным создание Российского олимпийского комитета. 16 марта 1911 года представители тридцати одного русского спортивного общества, собравшиеся в Петербурге, на Садовой, в особняке Императорского Российского общества спасения на водах, одобрили проект устава Российского олимпийского комитета и представили его на утверждение правительству. Но прежде чем комитет начал действовать, прошло довольно много времени – год и два месяца. Это, в общем-то, неудивительно. В те времена было довольно сложно официально зарегистрировать устав какой-либо общественной организации. Например, когда в Москве учредили Первое русское гимнастическое общество «Сокол», устав его на утверждение в высочайшие инстанции был представлен 19 февраля 1882 года, а утвержден – более чем через год, 4 мая 1883 года. Так получилось и с Российским олимпийским комитетом. Только 17 мая 1912 года устав комитета был утвержден Министром внутренних дел России. Кроме обычной чиновничьей волокиты, задержка с утверждением объясняется и чисто политической сложностью. Параграф первый устава Российского олимпийского комитета гласил: «Российский олимпийский комитет учреждается с целью объединения всех российских спортивных и гимнастических учреждений для подготовки их участия в Олимпийских играх». А что же тогда делать с финскими спортсменами, которые уже давно принимали в Играх самое непосредственное участие? Ведь Финляндия тогда входила в состав Российской империи как Великое Княжество Финляндское, а в столице этого Княжества – Гельсингфорсе – с мая 1907 года функционировал свой Национальный олимпийский комитет, который возглавлял барон Ренхольд фон Виллебрандт, член МОК к тому же.

Решили мудро: пусть финны продолжают выступать за себя, а все остальные, входящие в империю, будут представлять единую российскую команду.

Почетным председателем комитета утвердили барона Ф. Е. Мейендорфа, председателем стал Вячеслав Срезневский, товарищами председателя, иначе говоря, заместителями, – Алексей Лебедев и граф Георгий Рибопьер, ответственным секретарем – Георгий Дюперрон, казначеем – Иван Бергман.

Новый комитет обратился ко всем спортивным организациям России с таким письмом: «В июне 1912 года в Стокгольме состоятся Олимпийские игры, пятые по счету с тех пор, как они были возобновлены в 1896 году. В первых трех Олимпийских играх русские спортсмены не участвовали; только в 1908 году, на IV Олимпиаду в Лондоне, были командированы некоторыми обществами в первый раз представители России. Из пяти участников один вернулся с первым призом, двое – со вторым.

Этот факт, а также то обстоятельство, что русские любители – атлеты, борцы, конькобежцы, гребцы, гимнасты, стрелки, футболисты и другие нередко одерживали победы над знаменитостями в России и за рубежом, позволяют быть уверенным, что при правильной организации Россия может показать себя на Олимпийских играх 1912 года с лучшей стороны».

После этого Обращения в некоторых спортивных организациях страны началась подготовка к Играм. Наиболее серьезно отнеслись к Олимпиаде в признанных спортивных центрах России – Москве, Киеве, Одессе, Петербурге. Но вся подготовка строилась на благородном порыве энтузиастов. Правительство хоть и обещало всяческую поддержку, но так обещаниями и ограничилось.

О том, как комплектовалась российская олимпийская команда, пишет в своих воспоминаниях участник V Олимпийских игр Федор Забелин:

«О том, что мне и моим четырем товарищам по Петербургскому гимнастическому обществу придется защищать спортивную честь России на V Олимпийских играх, мы узнали только месяца за полтора до начала Олимпиады. Я тогда работал лепщиком у подрядчика, а свое свободное время отдавал спорту. Мои друзья также совмещали занятия гимнастикой с работой или учебой: П. Кушников, Ф. Ясюков и С. Куликов были служащими и А. Ахун – студентом. Все мы считались неплохими гимнастами, но почему послали именно нас – это для меня так и осталось загадкой: в Москве, Одессе, Харькове и самом Петербурге были гимнасты сильнее нас. Причиной этого, вероятно, была организационная неразбериха, царившая в Российском олимпийском комитете, которому впервые в истории приходилось выставлять команды по всем видам спорта, входившим в программу Олимпиады.

По условиям соревнований каждая страна имела право выставить 6 участников по индивидуальной гимнастике и от 20 до 40 – по групповой. Кроме нашей пятерки, назначенной без отборочных соревнований, в команду был включен сильный гимнаст из Харькова – Пилипейченко, но он выехать не смог. Зато по групповой гимнастике Россия посылала полную команду – 40 человек. Она была укомплектована курсантами Главной офицерской гимнастическо-фехтовальной школы. В отличие от нас, совмещавших тренировки с работой или учебой, офицеры специальную подготовку к Олимпиаде начали за полгода».

При формировании футбольной команды неожиданный спор вспыхнул между клубами Москвы и Петербурга из-за числа мест, предоставляемых каждому городу. Естественно, спортивный принцип был забыт, и в расчет принимались только вопросы престижа. Дело дошло до ультиматумов. Вот что вспоминает об этом известный футболист В. Житарев, выступавший на Олимпиаде за сборную России:

«На международной футбольной арене команда России была еще новичком. Однако это еще полбеды. Беда заключалась в том, что, когда встал вопрос о формировании команды на Олимпиаду, между Петербургом и Москвою начались настоящие бои. Деятели, стоявшие во главе футбольных лиг обоих городов, стремились протащить в сборную как можно больше «своих» игроков. Отборочные матчи выявили преимущество Москвы, но и это ни

к чему не привело. Спортивные интересы были отброшены, начался настоящий торг. Тогда Москва выступила с ультиматумом: «Или москвичи совсем не поедут в Стокгольм, или, если поедут, то в таком количестве «своих» игроков, на которое имеют право».

Примерно так же формировались и команды по другим видам спорта. В журнале «Русский спорт» один из московских спортсменов писал:

«Петербургские легкоатлеты видели в нас не столько собратьев, сколько каких-то врагов, соперников: спортивные воротилы, заботясь прежде всего только о своем личном престиже, рознь между собой внесли и в ряды спортсменов».

И вот таким образом укомплектованная команда приехала на V Олимпийские игры.

Делегация России прибыла в Стокгольм на пароходе «Бирма», принадлежавшем Восточно-Азиатскому пароходному обществу. Доктор исторических наук Дмитрий Александрович Крадман, который входил в состав российской команды и плыл на этом пароходе, рассказывал:

«Нас разместили в неудобных, плохо приспособленных для жилья каютах, в каждой по шесть человек. Все лучшие места были отданы офицерам и членам Олимпийского комитета. Едва на горизонте показались шведские берега, к «Бирме» подошла королевская яхта, которая забрала на свой борт высокопоставленных особ. Олимпийцев ждал другой прием. Дело в том, что нам перед отъездом не успели оформить заграничных паспортов. Мы вынуждены были жить на той же «Бирме» далеко от спортивных баз».

В то же время перед самой Олимпиадой для туристов было открыто срочное пароходное сообщение Рига – Стокгольм. На этом маршруте ходил шведский пароход со шведским капитаном О. Дибергом и с таким понятным русскому уху названием «Одинь». Правда, при ближайшем рассмотрении выяснилось, что название это все же не русское, а чисто шведское и означает оно не «один», а «Один» – так звали верховного бога в скандинавской мифологии. Как сообщала рекламная открытка, «пароход отличается быстрым ходом, электрическим освещением и хорошими каютами, а равно и удобным для пассажиров устройством». Из Риги он выходил в субботу в 4 часа пополудни, а обратно из Стокгольма можно было отплыть в среду в 11 утра. Продолжался рейс 23 часа. Для того чтобы заказать билеты на рейс, достаточно было о зайти к агенту. В Риге это было агентство П. Борнгольдт и К, располагавшееся на Дворцовой улице в доме 9, а в Москве на Маросейке, в доме Колбе, желающих поехать на Олимпиаду принимал Борис Крейцбергер. У него, кстати, можно было и заказать гостиницу в олимпийской столице, и билеты на самые интересные соревнования.

Но вернемся к участникам. Вот цитата из воспоминаний еще одного российского олимпийца:

«Мы совершенно не имели понятия, где, в какой день и в какой час должны принимать участие в состязаниях. Большой частью наши выступления были неожиданными, и мы являлись на старт растерянными и неподготовленными».

Естественно, такая команда не смогла показать себя с лучшей стороны и заняла лишь 15-е место, разделив его с командой Австрии. Известный русский писатель Александр Иванович Куприн назвал это «Спортивной Цусимой». А в самый разгар Олимпиады, 7 июля 1912 года, в Петербурге вышел очередной номер журнала «Къ Спорту!», в котором его издатель Н. Соловьев опубликовал свою статью под названием «Спортивная Цусима». Там он в частности писал:

«Полное поражение русских спортсменов не на шутку всколыхнуло и испугало наше общество. Одни предполагали, что хотя не футболисты – этот спорт у нас еще молод, а вот стрелки (ведь лучших из всей армии выбирали) должны добыть почетное место...

И в результате разгром... Полный, небывалый...

Деловитый янки успел найти время для спорта, выдвинул людей с колоссальной энергией, паразитической тренировкой и незнакомыми нам своеобразными приемами...

Наша безалаберность, авось и небось, отсутствие дисциплины, плана и умения его выполнить – дилетантство, недоделывание, – все это сказалось на нашей команде...»

В Стокгольме в легкой атлетике впервые появилось очень важное нововведение: полувольный хронометраж и фотофиниш. Это особенно было важно для стометровки. Кстати, на этой дистанции разыгралась подлинная трагедия. Фаворитом соревнований по праву считался чернокожий американец Говард Дрю. Он легко выиграл предварительные забеги, обыграл всех в полуфинале, вышел в финал и уже радовался будущей победе... Однако произошла какая-то странная история.

Но давайте все по порядку. С момента своего прибытия в Стокгольм американская команда была предметом обсуждения местной прессы и завсегдатаев пивных, кафе и других подобных заведений, где люди собираются не только для того, чтобы выпить пивка, но и просто посудачить, узнать последние новости да посплетничать, в конце концов. Прибыли американцы, как и россияне, на пароходе, но был он огромный и служил спортсменам и отелем, и стадионом: на нем они и тренировались. На палубе спринтеры бегали на 30 метров, отрабатывая старт и финиш, велосипедисты крутили педали, оставаясь при этом на месте (сейчас велотренажером никого не удивишь, а почти сто лет назад?), метатели бросали диски и копья прямо в море, а затем снаряды каким-то непостижимым для тех, кто с берега наблюдал за этим зрелищем, образом автоматически возвращались на борт.

Как и на предыдущих Играх, американцы готовились собрать огромный урожай медалей. Они были так в этом уверены, что даже позволили себе лишиться верного козыря – чернокожего бегуна Говарда Дрю.

Перед началом финального забега на 100 м диктор несколько раз вызывал на старт Дрю, но он так и не появился. Золото выиграл его белый соотечественник Ральф Крэг. По стадиону пошел слух, будто бы тренер американской команды, ярый расист, запер черного атлета в раздевалке, чтобы олимпийским чемпионом смог стать белый. Бедный Говард Дрю плакал от ярости, сбивая в кровь кулаки о запертую дверь. Разразился скандал. Обвиняемый в расизме тренер уверял всех, что Дрю порвал связки и только поэтому снят с соревнований. Так это было или не так, до сих пор точно не знает никто. Одни олимпийские историки считают, что американцы продемонстрировали воинствующий расизм, другие убеждены, что с атлетом действительно произошел несчастный случай и он растянул или порвал связки.

В Стокгольме было показано много отличных результатов. Например, в беге на 800 метров сразу пять человек побили мировой рекорд! Но самым сенсационным было выступление американского спортсмена Джима Торпа. И дело не только в двух завоеванных им золотых медалях. Главное, эти медали были завоеваны в труднейших видах программы – пятиборье и десятиборье – со значительным преимуществом над конкурентами. Вручая американскому индейцу лавровый венок, король Швеции Густав V сказал, что считает его величайшим атлетом всех времен...

Но имени его долгое время не было места в списках олимпийских чемпионов...

В пятиборье Торп показал лучшие результаты в прыжках в длину, беге на 200 и 1500 м и в метании диска. И только в метании копья он занял третье место.

Если легкую атлетику называют королевой спорта, то десятиборье, несомненно, венец королевы. Выступлением в Стокгольме Джим Торп доказал, что он действительно величайший атлет своего времени. Вот результаты, показанные им на Королевском стадионе: бег 100 м – 11,2 секунды; прыжок в длину – 6 м 79 см; прыжок в высоту – 187 см; толкание ядра – 12 м 89 см; бег на 400 м – 52,2 секунды; бег на 110 м с барьерами – 15,6 секунды; метание диска – 36 м 98 см; прыжок с шестом – 3 м 25 см; метание копья – 45 м 70 см; бег на 1500 м – 4 минуты 40,1 секунды. Набрав 8412 очков, Торп на 690 очков опередил ближай-

шего соперника шведа Хуго Висландера. Если пересчитать результат Торпа по действующей сейчас таблице, получится, что он набрал на 1075 очков больше, чем победитель Олимпиады 1920 года, и на 102 очка больше, чем победитель Олимпиады 1924 года!

Королевский стадион стоя приветствовал героя V Олимпиады. В те дни в Стокгольме Джим Торп был самым популярным человеком. Когда он вернулся домой, ему рукоплескала вся Америка. Джим был счастлив. В стране, раздираемой расовыми противоречиями, где цветных считали людьми второго сорта, его, индейца племени Сек энд Фокс, принимают сенаторы и конгрессмены, сам президент Уильям Тафт пожимал ему руку и поздравлял с победой.

Разве могли бедные индейцы, родители Джима, там, в Оклахоме, даже мечтать об этом, когда в 1889 году Джим появился на свет?! Его назвали Ва-Тхо-Хук, что означает «Сверкающая тропа». Это уже потом ему дали имя Джим Торп – для удобства произношения. С самых ранних лет Джим бегал и прыгал, как все мальчишки в мире. Никакие мальчишеские игры не проходили без его участия. Больше всего он любил объезжать диких пони и бегать с ними наперегонки.

Пришло время учиться. В школе развитому, физически крепкому парнишке тренеры не давали прохода: одни тащили его в футбол, другие – в баскетбол или в плавание. Так и занимался Джим всем понемногу: прекрасно играл в футбол, баскетбол, бейсбол, лякросс, неплохо плавал, принимал участие в школьных соревнованиях легкоатлетов.

Огромный спортивный талант Торпа помог ему продолжить образование – сначала он попал в колледж, а потом и в университет. Учился он в Пенсильвании, в Карслилском университете. Там серьезно увлекся легкой атлетикой, уже через год был включен в олимпийскую сборную США, поехал в Стокгольм и привез оттуда две золотые медали.

Да, Джим был счастлив! Но спортивная слава – вещь необычайно хрупкая. Не всем в Америке пришелся по вкусу успех молодого индейца. Поборников расизма и дискриминации возмутил восторженный прием, оказанный американцами герою Стокгольма. Они забыли, что в шведской столице Джим Торп защищал цвета американского звездно-полосатого флага и в честь его победы звучал гимн Соединенных Штатов. Слишком уж ярким опровержением их расистской теории превосходства белых были феноменальные успехи двукратного олимпийского чемпиона!

И вот не прошло и года, как в печати появилась заметка некоего Чарлза Кленси, в которой сообщалось, что за два года до Олимпиады Джим Торп играл в бейсбол в составе какой-то полупрофессиональной команды и получал за это деньги – 60 долларов в месяц. Чересчур поспешно три члена исполнительного бюро Американской атлетической ассоциации (ААЮ) от имени Олимпийского комитета США обратились с письмом к Олимпийскому комитету Швеции, где сообщали о дисквалификации Торпа как профессионала и просили пересмотреть порядок занятых мест на всех олимпийских соревнованиях, в которых участвовал Торп.

В своем горячем желании развенчать великого индейского спортсмена деятели Олимпийского комитета США пошли даже на то, чтобы потерять для Соединенных Штатов две золотые медали: расистское нутро восторжествовало над патриотизмом.

Джим Торп категорически протестовал против дисквалификации:

– Я действительно играл в бейсбол в течение летних каникул 1909 и 1910 годов в составе одной команды Северной Каролины, так же как и другие мои коллеги, которые и по сей день считаются любителями. Но я играл не за деньги. Просто мне очень нравится эта игра. Когда я вернулся из Стокгольма, мне предлагали не одну тысячу долларов за то, чтобы я стал спортсменом-профессионалом. Но я отказался, потому что никогда не стремился к наживе.

Торп пытался сопротивляться, но безуспешно. Расисты отняли у него золотые медали и передали их в МОК для вручения спортсменам, занявшим вторые места. Членов Олимпийского комитета не смутил отказ шведского десятиборца Хуго Висландера принять золотую медаль.

– Я слишком дорожу своей серебряной, – заявил Висландер, – чтобы позволить себе принять чужую золотую медаль. Победил Торп, а не я.

Несмотря на большое число протестов прогрессивных спортсменов и общественности, Торп был пожизненно дисквалифицирован, и имя его вычеркнули из списков олимпийских чемпионов.

Несправедливое решение о дисквалификации и лишение олимпийских медалей нанесли Джиму глубокую рану. Он еще некоторое время пытался бороться, но тщетно. До 1928 года занимался спортом, играл в профессиональных бейсбольных и футбольных клубах, а потом начал пить и в конце концов бросил спорт.

Трудно было узнать в жалком, спившемся человеке сильнейшего атлета мира. Друзья подарили Джиму маленький бар на одной из оживленных улиц Лос-Анджелеса. Сюда приходили выпить кружечку пива, стаканчик виски с содовой, посмотреть на героя Стокгольма, послушать его рассказы. Он охотно вспоминал о своем олимпийском триумфе, с грустью и горечью говорил об отнятых медалях. Он даже написал об этом книгу, но для нее не нашлось издателя.

Во время Игр X Олимпиады 1932 года, проходивших в Лос-Анджелесе, городе, где жил Торп, он долго бродил возле стадиона, не имея ни цента, чтобы купить входной билет. Его узнал вице-президент Организационного комитета и провел на трибуну для почетных гостей. Зрители приветствовали своего кумира долгими аплодисментами.

Много позднее суровая драма, произошедшая с несчастным индейцем, вдохновила кинорежиссера Майкла Кёртиса на создание фильма под названием «Парень из Оклахомы», в котором главную роль исполнил известный американский киноактер Берт Ланкастер. К несчастью, Торп был единственным человеком, причастным к этой истории, который не извлек никакой выгоды из этой запоздалой славы.

В 1952 году Джим серьезно заболел и в марте следующего года скончался. Его последними словами были: «Отдайте мои медали!»

В 1973 году, через шестьдесят лет после несправедливейшей акции – дисквалификации величайшего индейского спортсмена, – справедливость восторжествовала: в вестнике Любительского легкоатлетического союза США появилось сообщение о том, что Джим Торп восстановлен в правах любителя. Но реабилитация пришла слишком поздно. Джим Торп надеялся на нее всю свою жизнь и не дожил до этой радости целых двадцать лет.

Много зрителей приходили ежедневно на соревнования по борьбе. В них участвовали 180 борцов из 17 стран. В то время еще не существовало Международной федерации борьбы, не было единых правил, не лимитировалось количество борцов от одной страны. Поэтому в полуфинал, например, вышли 24 финна, 5 шведов, 2 русских... Согласно принятому положению, схватка продолжалась один час. Если за это время судья не фиксировал туше, победителя определяли по баллам. Встречи в полуфинале и финале проходили до полной победы. Из-за этого было несколько весьма продолжительных схваток. В полулегком весе немец Г. Герштакер и финн К. Коскело боролись в течение двух часов трех минут. В полутяжелом весе швед А. Альгрэн и финн И. Белинг боролись шесть часов. Но рекорд продолжительности был поставлен в тяжелом весе во встрече представителя России М. Клейна с финном А. Асикайненем. Она длилась 10 часов! Победил Макс Клейн. Этот рекорд был поставлен в полуфинале, и когда Клейн вышел в финал, он уже не мог бороться в полную силу: он был истощен. На это и рассчитывали организаторы соревнований. Шведские распоряди-

тели назначали в пары лучших и по возможности равных по силам противников и, когда по истечении часа борьбы победитель не выявлялся, обоим засчитывали по поражению. Таким образом, лучшие борцы не смогли дойти до финала, а шведские спортсмены, назначаемые против заведомо слабых противников, побеждая их (большей частью благодаря своеобразно толкуемой системе очков), попадали в финал. Победителю многочасовой феноменальной схватки Макс Клейну не позволили даже отдохнуть перед финалом, несмотря на то что представитель команды России генерал Воейков подал организаторам официальную просьбу об этом. Отказ мотивировали необходимостью закончить состязания до церемонии награждения победителей, которая должна была проходить на том же стадионе, где состязались борцы. Между тем целый ряд состязаний проходил уже после церемонии награждения, а одна из пар – швед А. Аль-грен и финн И. Белинг – боролась как раз в то время, когда на стадионе проводилось награждение.

Еще одна несправедливость была допущена в отношении другого российского борца – Августа Пиккера, имевшего одну победу и ни одного поражения. Его посчитали проигравшим за допущенный им неправильный прием. Если даже решение судей было справедливым, все равно нельзя понять и оправдать то, что Пиккера дисквалифицировали до конца соревнований. Ни в одних правилах такое положение не было записано.

Множество протестов вызвали соревнования не только по борьбе, но и по другим видам спорта: теннису, конному спорту, фехтованию, гребле... Протесты подавали отдельные участники, тренеры, представители команд, а в фехтовании протест был заявлен целой организацией – Национальным союзом фехтования Франции.

Недовольства было так много, что Международный олимпийский комитет поручил одному из своих активных членов, барону фон Венингену, собрать все замечания и предложения, свести их в единый доклад и представить его на рассмотрение сессии МОК. Фон Венинген эту работу успешно выполнил, и в 1913 году документ увидел свет во многих странах. В России он вышел в том же году в переводе на русский язык под названием «Свод замечаний и предложений об улучшении в устройстве Олимпийских игр. Доклад Международному олимпийскому комитету, составленный по его поручению членом Международного олимпийского и Германского правительственного комитетов бароном фон Венингеном». Этот любопытнейший документ на 56 страницах содержит множество серьезных критических замечаний в адрес организаторов Игр V Олимпиады. Организаторы, безусловно, заслужили эти замечания.

На соревнованиях по стрельбе произошел такой случай. В самый разгар состязаний пошел сильный дождь. Все спортсмены продолжали соревноваться под открытым небом, под потоками воды, для шведов же очень быстро соорудили специальный навес, причем под этот навес спортсменов других стран просто не пускали. В итоге в восемнадцати видах стрелковых упражнений шведы завоевали семь золотых, шесть серебряных и четыре бронзовые медали.

Яхтсмены в Стокгольме разыграли первенство в четырех классах судов. Бронзовым призером в классе «10 м» стал представитель России Александр Вышнеградский на яхте «Галлия II». Это можно считать большим достижением, так как от российских яхтсменов ничего хорошего не ожидали. И этому есть свое объяснение. За год до Стокгольмской Олимпиады в журнале «Сила и здоровье», выходящем раз в две недели в Санкт-Петербурге, появилась статья Л. Асина «Когда же спящие проснутся?» В ней в достаточно резком тоне автор критикует яхт-клубы России за то, что они никак не могут объединиться. Он пишет, что «запись на участие в парусных гонках в Стокгольме закрыта для всех русских яхт-клубов, кроме клубов прибалтийских...» Далее автор саркастически восклицает: «Вы удивлены, дорогой читатель? Вы не можете поверить этой нелепости, а эта нелепость есть факт, факт,

являющийся результатом беззаботности и... междоусобной борьбы среди наших яхтсменов...»

В чем же было дело? Согласно правилам МОК, на гонки могли быть заявлены в каждом классе только по две яхты от каждого национального союза, а так как в то время Российского парусного союза еще не существовало, да и Петербургский развалился, функционировал лишь Союз Балтийских Клубов, то в олимпийских состязаниях имели право участвовать только суда клубов Эстонии и Латвии, или, как их тогда называли, эстляндских и лифляндских.

Л. Асин очень сокрушался по этому поводу. Он горестно писал: «Они будут представлять собою весь Русский парусный спорт, настоящих же русских, даже столичных клубов на олимпийских состязаниях не будет... Неужели же и этот, почти оскорбительный для русских яхтсменов факт не заставит их подумать о своем русском, национальном союзе клубов, неужели мелкие распри и личные счеты всецело поглощают внимание руководителей наших яхт-клубов, или, быть может, они видят лишь вред в единении клубов?»

Закончил свою статью, свой крик души, автор не менее патетически: «Взываем к тем, кто бодрствует, искренне любя свой парусный спорт: расшевелите же, наконец, спящих руководителей наших яхт-клубов, заставьте их на время отрешиться от клубного (в оригинале написано «клубского». – В. Ш.), заплесневелого шовинизма, зовите, побуждайте всех к созидательной работе, настаивайте на необходимости Русского Парусного Союза! Когда же спящие проснутся?»

Нет слов, единый Российский парусный союз, конечно же, был нужен. В то время уже вовсю работали Российские союзы гребных обществ, лаун-тенниса, конькобежного, лыжного и других видов спорта. Но, на мой взгляд, автор этой патриотической статьи сам грешит великодержавным шовинизмом. Ведь Союз Балтийских Клубов вполне мог представлять Россию – Прибалтика же входила в состав Российской империи и именовалась Прибалтийским краем. Во всяком случае, российские яхтсмены на Игры поехали и даже завоевали бронзовую медаль.

Давайте закончим рассказ о неприятностях и скандальных ситуациях на Стокгольмской Олимпиаде эпизодом по-настоящему трагическим. В Стокгольме прямо на дистанции марафона умер спортсмен от передозировки наркотического препарата. Это, пожалуй, был один из первых случаев применения допинга, приведший к трагической развязке.

Первая угроза распада

В начале XX века Европа окончательно раскололась на два враждебных лагеря. Великие державы, давно объединившиеся в противоборствующие альянсы, смотрели друг на друга с возрастающим недоверием. Это, однако, не мешало проведению первых пяти Олимпиад современности. Видимо, отношение властей к Олимпийским играм было еще не слишком серьезным. Но когда разразилась Первая мировая война, изобретения Эрнеста Суинтона (первый в мире танк) и Джона Браунинга (автомат) приобрели больший вес, нежели мячи, ракетки и спортивные копья, предназначенные для метания на стадионе.

Проведение VI Олимпийских игр 1916 года было поручено Берлину. Но новый стадион в Грюневальде тщетно ожидал участников Игр: многие из них отправились в окопы, и некоторые не смогли вернуться на спортивные площадки уже никогда.

А в первые два года после Игр в Стокгольме весь спортивный мир с энтузиазмом взялся за подготовку к Берлинскому празднику молодости и спорта.

В России планировалось организовать три подготовительные всероссийские Олимпиады: в Киеве в 1913 году, в Риге в 1914 и в Москве в 1915. До войны успели провести лишь две первые. В программу этих Олимпиад вошли практически все виды спорта, культивируемые в стране. Кроме того, Российский олимпийский комитет обратился к правительству с ходатайством о предоставлении необходимых средств для отправки российских спортсменов на Игры в Берлин. Во многих городах стали создаваться местные олимпийские комитеты для подготовки к Играм. Первый такой комитет образовала Москва, затем в Риге состоялся съезд представителей всех спортивных обществ Прибалтийского края, на нем был учрежден Специальный Балтийский местный олимпийский комитет, которому поручили организацию Всероссийской Олимпиады в Риге и подготовку спортсменов края к Играм 1916 года. В столице империи также образовали Санкт-Петербургский олимпийский комитет, в состав которого вошли представители тринадцати спортивных организаций. О серьезности намерений Российского олимпийского комитета говорит и выпущенный задолго до Берлинской Олимпиады серебряный значок, на котором изображен бегун с оливковой ветвью в руке и на ленточке написано «Олимпийскія игры 1916». А в майском номере московского журнала «Вестник спорта и туризма» за 1914 год можно найти из ряда вон выходящее сообщение. Оно настолько удивительно для того времени, что приведу его дословно: «Насколько в России начали ценить спортивные заслуги, можно судить хотя бы по тому, что известный спортсмен, председатель Всероссийских союзов гребных обществ и лаун-теннис-клубов А. Д. Макферсон пожалован орденом святого Станислава 3-й степени». Это была первая в России награда за спортивные заслуги.

В Англии в самом начале 1914 года сформировался специальный комитет с целью изыскания средств для подготовки к Олимпиаде. Комитет этот выпустил воззвание к английскому обществу и открыл подписку для сбора необходимых средств. А Британский олимпийский комитет утвердил специальный бюджет, который был распределен между основными спортивными организациями Англии, Шотландии и Ирландии.

Французский национальный спортивный комитет решил испросить государственную субсидию в размере 500 тысяч франков для подготовки и отправки французских спортсменов на Олимпиаду.

В Норвегии с разрешения правительства организовали спортивную лотерею, все доходы от которой должны были пойти на подготовку и участие Норвегии в Берлинской Олимпиаде.

Государственный союз Шведских спортивных обществ вместе с Центральным союзом для поощрения спорта в Швеции решили ходатайствовать об отпуске из государственного

бюджета субсидии в сто тысяч крон на развитие шведского спорта и подготовку шведских спортсменов в 1914 и 1915 годах.

Для подготовительных работ Германии к Олимпийским играм правительством было выделено двести тысяч марок, всего же планировалось потратить триста тысяч, сто из которых должно было пойти на участие немецких спортсменов во всех крупных соревнованиях за рубежом. Для подготовки непосредственно самой Олимпиады в Германии создали Организационный комитет, в состав которого вошли представители всех спортивных организаций страны и, кроме того, официальные лица, представляющие государственного канцлера, министерства иностранных дел, военное и внутренних дел. Каждая представленная в этом комитете спортивная организация должна была платить ежегодно от 500 до 1000 марок, а все индивидуальные члены (были и такие) – вносить не менее 50 марок в год.

В общем, мир очень серьезно на сей раз подошел к подготовке к олимпийским состязаниям. Но прошло совсем немного времени, и пришлось готовиться к состязаниям более жестоким – на поле боя.

28 июня 1914 года в Сараево было совершено покушение на эрцгерцога Австрии Франца-Фердинанда, в результате которого он погиб. Всего за несколько недель мир был повергнут в хаос. 28 июля Австрия объявила войну Сербии. 1 августа Германия объявила войну России, а 3 августа – Франции. 4 августа Великобритания встала на сторону Франции в коалиции с Россией и Бельгией.

Что могло бы стать с олимпийским движением и его идеалами мира во всем мире во время этой бури?

На сессии МОК в Париже в середине июня 1914 года было принято несколько организационных решений, которые имели большое значение для всего олимпийского движения. Сессия утвердила флаг с пятью переплетенными кольцами и официальные языки МОК – французский, английский и немецкий, впервые рассмотрела вопрос взаимоотношений МОК с международными федерациями.

Узнав о начале войны, Пьер де Кубертен собрался было покинуть пост президента МОК, потом передумал, решив остаться у руководства по крайней мере до окончания военных действий. В дни, когда страсти разбушевались, его смелые выступления были спокойны и беспристрастны.

Поначалу думали, что Олимпиада может состояться. Не в Берлине, конечно: Германии было не до спорта. В сентябре 1914 года в газетах многих стран появилось сообщение о том, что МОК на сессии в Париже принял решение: предоставить Олимпийскому комитету США право установить место проведения Игр 1916 года. «Этот шаг, – сообщала, в частности, французская газета «Фигаро», – вызван уверенностью, что никто из представителей тех стран, которые в настоящее время воюют с Германией, не согласится выступать в Берлине». Планировалось перенести Игры в Нью-Йорк. Но в конце концов здравый смысл победил: действительно было не до праздников.

В России, например, вся спортивная жизнь остановилась. Мысли всех сосредоточились на войне. Все назначенные состязания отменили. Футбольная лига, которой предстояло разыграть осеннее первенство, на своем заседании 25 июля постановила: «1. Ввиду переживаемого политического положения, календарные игры, начало коих должно было последовать 27 июля, все отменить. 2. Рекомендовать клубам – членам лиги впредь до изменения настроения общества воздержаться от товарищеских игр с платным входом и с публикациями в газетах».

Это постановление стало ответом на обращение Московского олимпийского комитета ко всем спортивным организациям воздержаться от соревнований. Примеру футбольной лиги последовали легкоатлетическая, велосипедная и другие.

Таким образом, спортивная жизнь как бы замерла. Спортсмены собирались у себя в клубах, тренировались, но разговоры были только о войне, о тех, кто сражался на фронте, кто проливал кровь за родину. Много спортсменов ушло на передовую. Одни были призваны, другие ушли добровольцами. Среди них много именитых, известных чемпионов. Не было ни одного клуба, откуда не ушли бы спортсмены на войну. Многие были ранены, кто-то погиб, отдав жизнь за царя и Отечество.

Многие сторонники олимпийского движения не верили, что Игры переживут войну. Руководству МОК приходилось не только противостоять конфликту, разъедающему единство олимпийского движения, но и нарастающему давлению со стороны Международных спортивных федераций. Но эти проблемы, хоть и серьезные, не шли ни в какое сравнение с проблемой более щекотливой: что делать с Германией? Большинство членов МОК представляли страны, находившиеся в состоянии войны с Германией, а в Берлине, несмотря на военные действия, шла планомерная подготовка к Играм VI Олимпиады. Германия явно не собиралась отказываться от чести проведения в своей стране Олимпийских игр. Это для многих было странно, но вселяло некоторую надежду на то, что война скоро закончится. Более того, немцы потребовали, чтобы во время проведения Олимпиады штаб-квартира МОК находилась в Берлине. Фактически вопрос о штаб-квартире не был проработан с достаточной ясностью. По традиции штаб-квартира, архивы и все протоколы должны были находиться в городе, в котором проходила Олимпиада. Но в действительности штаб-квартира всегда была там, где находился Президент (в то время им был Кубертен, соответственно и штаб-квартира находилась в Париже).

В моральном отношении Кубертен оказался в трудной ситуации: с одной стороны, он чувствовал ответственность за сохранение олимпийского движения, что выходило за национальные рамки, с другой – необходимость выполнения долга перед родиной. В возрасте 51 года он добровольно вступает в ряды французской армии. По решению правительства Кубертен занимается подготовкой молодых солдат и потому не считает возможным оставаться президентом МОК. «Я посчитал, – писал он, – что солдат не должен быть президентом нашего комитета». Тем не менее он продолжал свою активную деятельность через личные контакты с другими членами МОК. Прежде всего Кубертен резко выступил против повторяющихся требований Британской олимпийской ассоциации об исключении из МОК представителей Германии и ее союзников. Он также отказался от идеи перенести из Берлина в другой город проведение Олимпиады 1916 года, которая при известных обстоятельствах все равно состояться не могла. Независимо от того, состоится Олимпиада или нет, ее историческая роль, по мнению Кубертена, остается прежней и в истории Игр нумерация должна сохраняться.

Благодаря своему авторитету и благоразумию, Кубертену удалось решить не такой уж легкий вопрос о резиденции МОК. В 1915 году Международный олимпийский комитет избрал Лозанну, эту тихую гавань мира в военной буре, столицей олимпийского движения. Швейцарский город стал резиденцией Международного олимпийского комитета.

Швейцария была нейтральной страной, и Кубертен всегда восхищался ею и называл «моделью демократии». В Лозанне у него были замечательные друзья, в том числе барон Годффри де Блоне, которого он с 1910 года рассматривал как возможного преемника, и доктор Мессерли, президент греческо-швейцарской ассоциации в Лозанне.

Официальная церемония состоялась 10 апреля 1915 года в лозаннском муниципалитете, где обмен подписями означал основание «мирового административного центра и архивов современного олимпийского движения» в городе Лозанне. Таким образом, веление разума совпало с велением сердца. Кубертен оставил пост президента МОК и назначил временно исполняющим обязанности президента барона де Блоне на период с 1915 по 1919 год.

Барон де Блоне сыграл важную роль в истории олимпийского движения, помогая ему выжить, мудро пропагандируя особенности и дух настоящего спортсмена. Постепенно после сессии в Лозанне 1919 года, когда мир вернулся в Европу, он отошел на задний план. В 1921 году была официально одобрена идея постоянно расположить олимпийскую резиденцию МОК в Лозанне. На пост президента МОК вернулся Пьер де Кубертен. Он мог гордиться своим детищем. Благодаря его усилиям и помощи коллег и друзей, МОК приобрел еще большую силу, чем до начала смуты. Он выиграл тридцатилетнюю битву и на очередной сессии в Праге объявил о возрождении МОК. Кубертен отдал для этого все: после войны он был практически разорен, и ему пришлось продать все семейное имущество. Он решил переехать в Лозанну. Швейцария приняла его с распростертыми объятиями, и он прожил там до конца своих дней.

Возрожденные из пепла

Только в 1920 году спортсмены вновь смогли собраться на свой олимпийский слет, на этот раз в бельгийском городе Антверпене. Перед Бельгийским олимпийским комитетом стоял трудный вопрос: следует воздержаться или пригласить представителей Германии и других «бывших врагов»? Присутствие в Бельгии представителей страны, которая менее двух лет назад оккупировала ее территорию, ставило, в частности, ряд щекотливых вопросов. МОК решил взять на себя ответственность и за бельгийцев отказать в приглашении Германии и ее союзникам. «Со спортивной точки зрения, – писала «Велоспорт» – единственная ежедневная спортивная газета королевства, предшественница современной «Ле Спорт», – следует сожалеть об этом, но не надо сомневаться в том, что катастрофа, залившая Европу кровью, не оставила после себя никакого следа в отношениях между людьми, что и омрачило чисто профессиональное мнение о спортсменах, прежде весьма почитаемых».

Решение провести Игры VII Олимпиады в Антверпене приняли в 1918 году, и, естественно, времени было, как говорят, в обрез. Организационный комитет, в который входили в основном судовладельцы этого большого порта на Шельде, оказался перед проблемами, которые он не всегда мог разрешить. Тем не менее благодаря самоотверженной работе многих энтузиастов все было готово вовремя.

Антверпен, разбомбленный, разрушенный, залитый кровью, прошедший через оккупацию, готов был ценой самых больших жертв отпраздновать свое освобождение и продемонстрировать в блеске Олимпийских игр, что город возрождается с невиданной быстротой. На улицах Антверпена царил необычное оживление, куда только подевалось традиционное равнодушие жителей города! Улицы были украшены цветами, разноцветными лампочками и светящимися вывесками. Над каждым домом развевался флаг. Во время войны особенно пострадали районы, прилегающие к порту. Жители постарались прикрыть руины огромными раскрашенными стендами, гирляндами цветов, ветками деревьев. Повсюду звучала музыка. Каждый вечер организовывались народные гулянья: всюду пели, танцевали, веселились.

Официальное открытие Игр состоялось 14 августа, закрытие – 29 августа. Однако соревнования по некоторым видам спорта проводились и до открытия Игр и после их закрытия. Так, состязания фигуристов и хоккеистов проходили еще в апреле, яхтсменов и стрелков – в июле, футболистов – в августе и сентябре.

Праздник открытия VII Олимпиады начался с торжественной мессы, которую отслужил в соборе Антверпена кардинал Мерсье. После этого на стадионе состоялась официальная церемония. Возгласы восхищения перешли в настоящую бурю восторгов, когда в королевской ложе появился король Бельгии Альберт, одетый в ту же форму, в которой в течение четырех лет сражался во главе своих армий. Он был очень взволнован столь яркой демонстрацией любви и признательности бельгийцев.

Раздались звуки гимна, и трибуны застыли навтыяжку почти в религиозной тишине. Начался большой парад участников первых послевоенных Олимпийских игр. Зрелище было необычайно красочным, особенно после унылых лет войны. Когда французская делегация проходила перед королевской ложей, все спортсмены единым движением выбросили вперед правую руку, приветствуя монарха. Зрители, вначале удивленные таким необычным приветствием, разразились криками одобрения. Взволнованный король поклонился. Через несколько лет этому жесту была уготована страшная судьба. Но не будем предвосхищать событий.

Наконец все участники парада выстроились на поле. Граф де Байе-Латур, президент Организационного комитета, просит короля открыть Олимпийские игры. Семь пушечных

залпов подчеркивают эту фразу, ставшую отныне ритуальной. Затем объявляется минута молчания в память о спортсменах, погибших на войне. Весь стадион в едином порыве встает и, стоя навытяжку, приветствует инвалидов войны, которые находились в первых рядах среди публики. Горестную тишину нарушило хлопанье крыльев. Это взмыли ввысь две тысячи голубей. У каждого к лапке была привязана ленточка с цветами флагов всех участвующих в Играх стран. В небе появляется эскадрилья истребителей. Они пролетают низко над стадионом и уходят в сторону моря.

На стадионе в Антверпене впервые взвился на мачте олимпийский флаг: белое шелковое полотнище с вышитыми на нем пятью переплетенными кольцами голубого, желтого, черного, зеленого и красного цветов. Этот флаг был утвержден Международным олимпийским комитетом по предложению Пьера де Кубертена. Идея флага проста: пять колец – пять континентов. Кубертен говорил, что в этой символике скрыт еще и особый смысл: шесть цветов (вместе с белым фоном полотна) скомбинированы так, что являют собою национальные цвета всех без исключения стран.

Олимпийский флаг вызвал такой энтузиазм среди зрителей и спортсменов, что он недолго оставался на мачте. Через два дня после открытия флаг похитили. Но радость обладания бесценным сокровищем была так велика, что жулики не могли ее скрыть. Кто-то проинформировал полицию, затем последовал арест виновных и вмешательство консулов, так как украли флаг не бельгийцы. И через некоторое время огромный и величественный шелковый четырехугольник вновь взвился над стадионом.

Церемония открытия была впечатляющей, но проходила она при полупустых трибунах: цены на билеты организаторы так завысили, что многим это зрелище оказалось не по карману. Король Альберт даже съязвил по этому поводу: «Все очень красиво, но мало зрителей».

Через два дня Оргкомитет решил бесплатно пропускать инвалидов и школьников, а в субботу позволил всем желающим, не покупая билетов, занять места на боковых трибунах. С этого момента трибуны выглядели не так пустынно.

Олимпийские игры в Антверпене стали действительно событием во всем послевоенном мире. Они сыграли важную роль в психологическом восстановлении мира. Они показали, что даже мировая война, длящаяся более чем период между Олимпиадами, не смогла ни сломать, ни ослабить олимпийское движение. Вне сомнения, организация этих Игр потребовала намного больше усилий от Антверпена, чем от городов, проводивших Игры до войны.

Кубертен в своей речи в антверпенском муниципалитете во время банкета по случаю закрытия Игр сказал:

«Вот что принесла нам Седьмая Олимпиада: общее взаимопонимание, уверенность в том, что с этих пор люди начнут понимать друг друга... Такие праздники... – важнее всех праздников в человеческом обществе. Необыкновенный симбиоз мускулов и разума, взаимопомощи и состязаний, возвышенного патриотизма и разумного космополитизма, личной заинтересованности в победе и чувства солидарности как члена команды – все это связалось в одно целое для достижения общей цели».

На этих Играх не было больших судейских ошибок, не было скандалов, все прошло довольно дружелюбно и гладко. Можно упомянуть лишь один курьезный случай в сборной команде США и довольно странный финал футбольного турнира.

Из-за нехватки мест в отелях центральной части города организаторы Олимпиады поселили американских спортсменов в дешевых гостиницах вдали от спортивных сооружений. Атлеты обратились к представителям Олимпийского комитета США с просьбой разрешить им самим выбрать отели для размещения, и большинству атлетов это было позво-

лено. Прыгун в длину Дэн Эхирн такого разрешения не получил и сменил гостиницу без одобрения своего НОК. Тогда американские спортивные функционеры лишили его права участвовать в состязаниях. Около 200 членов американской сборной встали на защиту прыгуна и потребовали вернуть имя Дэна Эхирна в списки участников, угрожая бойкотом соревнований. Члены Олимпийского комитета США предприняли встречную попытку и пригрозили атлетам своей отставкой, но спортсмены заявили, что готовы настаивать на смене всего состава комитета. Чиновники были вынуждены уступить и допустить Дэна Эхирна к состязаниям.

Что касается футбольного турнира, то там случай иного порядка. Турнир футболистов собрал 14 команд. Бельгийцы считают, что они совершили настоящий подвиг: их «красные дьяволы» завоевали золотую медаль. Вышедшая прямо в четверть финала как страна-организатор, Бельгия встретила Испанию, которую победила со счетом 3:1, несмотря на исключительную игру совсем молодого испанского вратаря, впоследствии ставшего одним из лучших голкиперов мира, – Рикардо Заморы. В полуфинале «красные дьяволы» обыграли со счетом 3:0 голландцев, с которыми они после 1914 года встретились впервые. В финале их противником была команда Чехословакии, последовательно обыгравшая Югославию (9:0), Норвегию (4:0) и Францию (4:1).

Финальный матч состоялся во вторник 2 сентября. Он был назначен на пять часов дня, но уже с трех на стадионе Биршот нельзя было найти ни одного места. На колоннах, ныне исчезнувших, висели гроздь болельщиков, деревья сгибались под тяжестью сотен зрителей.

Бельгийцы сначала были подавлены натиском соперников, но постепенно перехватили инициативу, а минут через десять чехословацкий защитник схватил рукой де Бастена в штрафной площадке. Коппе сильнейшим ударом реализовал пенальти. На двадцать восьмой минуте бельгиец Ларно обыграл всех защитников и, появившись один на один с вратарем Клапкой, сильно пробил мимо него прямо в ворота – 2:0. За две минуты до конца первого тайма произошло решающее событие: Робер Коппе получил передачу и быстро пошел вперед. Дорогу ему преградил чехословацкий защитник Штайнер и «мастерским» ударом по ногам свалил Коппе на землю. Судья англичанин сэр Джон Левис немедленно удалил Штайнера с поля. Штайнер счел решение судьи несправедливым, вступил с ним в перепалку и отказался покинуть поле. Игрока поддержали товарищи по команде, однако судья настаивал на своем вердикте. В знак протеста сборная Чехословакии в полном составе ушла в раздевалку. Матч был остановлен. Бельгия стала олимпийским чемпионом... Досрочная победа – странный исход футбольного матча. Но можно сказать, что за эти сорок три минуты бельгийская команда показала красивую и содержательную игру, забив достаточное количество голов, чтобы заслужить аплодисменты, которыми ее приветствовала обезумевшая толпа.

Игры VII Олимпиады дали несколько выдающихся достижений и множество результатов среднего уровня. Но можно ли было серьезно надеяться на большее после зловещего перерыва 1914–1918 годов?

Быть ли зимним Играм?

После Игр в Антверпене, где довольно успешно прошли соревнования по зимним видам спорта – фигурному катанию и хоккею, в МОК пошел поток писем от любителей лыжного и конькобежного спорта с требованиями расширить и разнообразить программу Игр за счет типично зимних видов. МОК был холоден к этой идее прежде всего потому, что Олимпиады традиционно были летними соревнованиями еще со времен Античной Греции и, по мнению большинства членов Олимпийского комитета, нужно было следовать традициям. Против выделения зимних видов спорта в отдельную группу выступал тогда и Кубертен. Он считал, что это приведет к разобщенности внутри олимпийского движения. Справедливости ради надо вспомнить, что конькобежный спорт был внесен в список олимпийских видов спорта, разработанный на историческом Учредительном конгрессе 1894 года. Но конькобежцы не были приглашены участвовать в Играх I Олимпиады. Не хватило ни средств для сооружения катка, ни времени.

После того как во время Лондонской Олимпиады успешно прошли соревнования по некоторым типично зимним видам спорта, казалось, что уж на следующей-то Олимпиаде в Стокгольме представители зимних видов смогут развернуться во всем блеске. Но не тут-то было!

В 1911 году в Будапеште проходила очередная сессия МОК, на которой член Шведского олимпийского комитета полковник Блэк заявил, что на Играх в Стокгольме зимних видов спорта не будет. Он сказал:

– Северные игры будут проходить в 1913 году, и вполне логично, если все состязания на льду и снегу пройдут в рамках этих соревнований, традиционных для Северной Европы.

Это заявление было принято членами МОК неоднозначно. Итальянец Брюнетта д'Юсо предложил преобразовать Северные игры в зимние Олимпийские игры и возложить на МОК обязанность устанавливать сроки их проведения. Это предложение вызвало новый взрыв эмоций. Блэк яростно выступил против этого предложения. Пришлось временно дискуссии прекратить.

Однако требования нарастали, особенно со стороны энтузиастов из Европы, и Кубертен вынес вопрос об учреждении зимних игр на сессию МОК 1922 года, которая проходила в Лондоне. Дебаты были горячими, но идея зимних игр встретила решительный отпор делегатов скандинавских стран. Аргументировали они это тем, что с 1901 года регулярно проводились Северные игры и соревнования на льду и снегу, входящие в программу этих Игр, они считают глубоко национальными и не хотят их связывать с олимпийскими традициями.

Северные игры действительно проводились каждые четыре года в период с 1901 по 1917 гг., а затем в 1922 и 1926 гг. Основу их программы составляли лыжные гонки, прыжки с трамплина и хоккей. Эти и другие, более мелкие соревнования, а также Холменколленская лыжная неделя в Норвегии и составляли зимний спорт в представлении скандинавов. Проходили эти соревнования примерно в том же ключе, что и летние Олимпийские игры. Правда, в то время Холменколлен представлял из себя больше культ, нежели спортивное мероприятие. Соревнования напоминали скорее паломничество, чем что-либо другое. Арнольд Лунн, основатель скоростного спуска и один из самых влиятельных спортивных деятелей Скандинавии, писал:

«Лично я чувствовал, что была какая-то мистика в Холменколлене, что-то, что напоминало мистику, окружавшую классические Олимпийские игры».

Поэтому не кажется удивительным, что если Кубертен и его коллеги сомневались в том, какой эффект произведет зимний спорт на Олимпийских играх, то скандинавские спор-

тивные деятели были убеждены, что «неувядаемый лавровый венок» для лыжников может быть выигран только в Холменколлене.

Вдобавок ко всему, представители Швеции и Норвегии заявили, что традиционные Северные игры и так собирают весь цвет зимнего спорта (надо заметить, что в Северных играх участвовали только скандинавы) и совершенно не нужно параллельно с этими Играми проводить еще одни.

Скандинавы не уставая повторяли, что зимние виды спорта нельзя называть олимпийскими, что к Древней Греции они не имеют никакого отношения и что, если такие состязания будут организованы, скандинавские спортсмены участия в них принимать не будут. Разумеется, без участия Швеции и Норвегии, спортсмены которых доминировали в лыжном и конькобежном спорте, зимние игры не представляли бы интереса.

В Лондоне так и не был решен вопрос о проведении зимних Олимпийских игр. Но в конце 1922 года МОК вновь вернулся к проблеме зимних видов спорта на своей сессии в Париже. Во главе сторонников этой идеи стояли маркиз де Полиньяк и граф де Клари, президент Французского олимпийского комитета. Их поддерживали представители Канады и Швейцарии. На этот раз Кубертен сам загорелся этой идеей, и ему удалось убедить упрямых северян. Оппозиции пришлось отступить и признать, что Скандинавия не единственное место в мире, где есть снег. МОК принял решение провести зимние Игры в 1924 году и поручил их проведение стране-организатору летней Олимпиады того же года – Франции. Но все же от названия «олимпийские» пришлось отказаться. Соревнования получили официальное наименование: «Международная спортивная неделя по случаю VIII Олимпиады». На страницах газет замелькало малоизвестное до того название «Шамони». Но уже к началу 1924 года не было, пожалуй, любителя спорта, который не знал бы этого названия.

Эксперимент во Французских Альпах

В Шамони, небольшом курортном городке во Французских Альпах, неподалеку от знаменитой горы Монблан в конце января 1924 года собрались более двухсот спортсменов из 16 стран Европы и Америки. При составлении программы Игр в Шамони за основу были приняты традиции Северных игр. В нее включили состязания лыжников в гонках, прыжках с трамплина и в двоеборье, четыре классические дистанции конькобежного спорта – 500, 1500, 5000 и 10000 м. К ним прибавились соревнования по фигурному катанию на коньках и хоккею. Популярный во многих странах Европы и Америки скоростной спуск на управляемых санях (бобслей) также вошел в программу Игр.

Своевременное открытие соревнований едва не было сорвано. В середине января в Альпах испортилась погода, пошел дождь, повредивший лыжню и лед в Шамони. Шли дни, но дождь не прекращался. И уже когда было почти решено изменить срок проведения соревнований, ударил мороз, сразу спасший положение.

Ясное, голубое, без единого облачка небо над Шамони 25 января 1924 года, в день открытия Игр, было добрым напутствием нарождающимся зимним Олимпийским играм. Церемония открытия походила на деревенский праздник. В праздничном шествии принимали участие не только спортсмены, но и руководители делегаций, дети, тренеры, пожарники. Граф де Клари, который много сделал для того, чтобы этот праздник состоялся, произнес эмоциональную речь, восторженно принятую всеми присутствующими, и объявил, что эта «Неделя зимнего спорта» проходит под покровительством Международного олимпийского комитета. Затем один из спортсменов от имени всех участников зачитал клятву, которая обычно звучала во время летних Олимпийских игр. Все прекрасно понимали, что это были Олимпийские игры, которые не назывались своим именем.

Первые зимние Игры вызвали большой интерес в спортивном мире. После их окончания ни у кого (даже у руководящих спортивных деятелей Скандинавии) не осталось сомнений в жизнеспособности зимних Олимпийских игр. Но официально статус Олимпийских Игры получили задним числом в мае 1926 года на сессии МОК в Лиссабоне. 45 голосами против 15 было решено соревнования в Шамони впредь именовать Первыми зимними Олимпийскими играми. А годом раньше на сессии в Праге маркиз де Полиньяк формально передал на рассмотрение МОК предложения комиссии, которую он возглавлял и которой было поручено подготовить материалы по организации зимних Олимпийских игр. Предложения эти были приняты и одобрены. Так, довольно трудный ребенок появился, наконец, на свет. В принятом документе, в частности, говорилось:

«Международный олимпийский комитет организует специальную серию зимних Олимпийских игр, которые будут проводиться в тот же год, что и летние Игры. Они будут называться первые, вторые, третьи зимние Олимпийские игры и т. д. и должны подчиняться всем правилам Олимпийской хартии. Призы, медали и дипломы должны отличаться от тех, которые вручаются во время летних Игр, а термин «Олимпиада» не должен использоваться в этой связи. МОК будет выбирать место для проведения зимних Олимпийских игр, приоритет должен быть за той страной, которая организует летние Игры определенной Олимпиады, последняя должна предоставить достаточные гарантии своих способностей к организации зимних Игр».

Идея проведения летних и зимних Игр в одной стране приобрела много сторонников, но в реальности она просуществовала недолго. Амстердам, в котором проходили летние Игры 1928 года, мог предоставить в изобилии катки, но не мог предъявить ни одной горы. Поэтому для зимних Игр выбрали Санкт-Мориц в Швейцарии. США сумели провести и те, и другие Игры в 1932 году. Германия сделала то же самое в 1936 году. Но варианты уже

были исчерпаны. Вторая мировая война помешала планам проведения двойных Игр в Японии (летних в Токио, зимних – в Саппоро), и хотя полуразрушенный Лондон сумел провести летние Игры, зимние вновь пришлось проводить в Санкт-Морице. Ни одна страна с тех пор не смогла устраивать оба мероприятия, прежде всего из-за финансовых проблем.

Ровно через шестьдесят лет после олимпийского праздника в Шамони было решено отметить их юбилей. В столице первых зимних Игр были устроены торжества, в которых приняли участие президент МОК Х. А. Самаранч и множество гостей из разных стран мира. Выступая на открытии нового городского Олимпийского парка, включающего сооружения для занятий зимними и летними видами спорта, а также строящийся конькобежный стадион, Самаранч сделал неожиданное – даже для самих французских спортивных деятелей – предложение.

«Этот Олимпийский парк, – сказал он, – отличное дополнение к великолепным спортивным сооружениям, которые внушают мне надежду, что в один прекрасный день олимпийцы вновь соберутся здесь, в Шамони, на еще одни зимние Олимпийские игры».

Что ж! В будущем может всякое случиться. Но тогда еще никто не знал, что через пару десятков лет зимняя Олимпиада вновь придет на французскую землю. Но не в Шамони, а в другой город – Альбервилль.

А Белая Олимпиада в Шамони – остается единственной, признанной таковой задним числом.

Одним из героев зимних Игр в Шамони стал удивительный норвежский лыжник Турлейф Хауг. Он выиграл гонки на 18 и 50 км, победил в лыжном двоеборье, а в прыжках с трамплина получил бронзовую медаль. Три золотые и одна бронзовая медаль, завоеванные Хаугом, принесли ему славу сильнейшего лыжника мира. Пресса единодушно нарекла его «королем лыжников». Восторженно встретила Хауга Норвегия, назвав его «достоинейшим из достойных сынов». Благодарные земляки воздвигли Турлейфу Хаугу на его родине в Конгсберге в двадцати километрах от Осло прижизненный памятник. Пятьдесят лет спустя случайно выяснилось, что бронзовая медаль в прыжках Хаугу была вручена неправильно. В 1974 году при изучении киноархива Олимпиады норвежским журналистом Якобом Ваагом судейская ошибка была доказана. Проверка показала, что в подсчете очков была допущена ошибка и медаль должна была достаться тоже норвежцу, но выступавшему за США, да еще и с очень похожей фамилией – Андерсу Хаугену. Когда об этом стало известно, сестра Хауга передала эту незаслуженно полученную медаль человеку, ее заслужившему. Андерсу Хаугену было тогда 86 лет. Но Турлейф Хауг никогда об этом не узнал. Он умер в 1934 году в возрасте сорока лет, всего десять лет спустя после своего олимпийского триумфа.

Самба вместо гимна

На организацию Олимпиады-24 претендовали шесть городов: Амстердам, Барселона, Лос-Анджелес, Париж, Прага и Рим. Так как в 1924 году исполнялось 30 лет современному олимпийскому движению, отмечая заслуги Кубертена – основателя Олимпийских игр, было принято решение провести Игры VIII Олимпиады в Париже. Столица Франции стала первым городом, которому МОК дважды доверил организацию Олимпийских игр.

В Париж потекли различные идеи и фантастические проекты со всех концов страны, а дела по строительству олимпийских сооружений не двигались с места. Оргкомитет даже объявил архитектурный конкурс. Его выиграл бывший капитан команды регбистов, серебряный призер Олимпийских игр 1920 года М. Фор-Дюжарик. Он представил проект олимпийского стадиона на сто тысяч мест, который включал в себя комплекс сооружений для различных видов спорта и олимпийскую деревню для размещения двух тысяч спортсменов.

Конкурс провели, заседания оргкомитета собирались чуть ли не каждый день, а строительство все не начиналось. Понадобилось вмешательство президента Франции, предложившего, поскольку дела не двигались, перенести Игры в Лос-Анджелес. Только после этого, наконец, было выделено 4 миллиона франков. Вскоре был построен огромный и неудобный стадион «Коломб» на шестьдесят тысяч мест. Стадион построили в скучном предместье, вокруг него расположилась кучка невзрачных домиков для спортсменов.

Если подготовительный период был трудным, то организация самих Игр была, в общем, безупречной, а все рекорды по количеству участников были побиты: в Париж приехали 2972 спортсмена из 44 стран. Команда Германии, как и к предыдущим Играм, допущена не была. В спортивных кругах Германии делали вид, что не участвуют в Играх не потому, что не приглашены, а якобы потому, что не уверены, смогут ли французские власти обеспечить немцам безопасность. Что ж! Каждый волен трактовать ситуацию в выгодном для себя свете.

Советский Союз вновь не попал на Олимпиаду, хотя приглашение вроде бы было. По крайней мере в январском номере журнала «Вестник физической культуры» за 1924 год опубликовано сообщение о том, что Высший совет физической культуры при ЦИК РСФСР получил через посредство Рабочего спортивного союза Франции приглашение от Французского олимпийского комитета принять участие в Играх в Париже. Но из этого ничего не получилось. Официальная версия отказа поехать на Игры – протест против дискриминации спортсменов Германии. Вторая причина отказа: членство СССР в Красном спортинтерне. Устав КСИ требовал от своих членов всеми средствами бороться с буржуазными спортивными организациями, среди которых МОК отводилось первое место. Но скорее всего главную причину надо искать за Кремлевской стеной.

Футбольный турнир Парижской Олимпиады собрал 22 команды. Впервые на Олимпиаде выступили заокеанские футболисты – уругвайцы. Из-за них-то и произошел организационный казус. Во время первого матча никому тогда не известной сборной Уругвая против сборной Югославии организаторы по ошибке вывесили флаг Уругвая вверх ногами, а вместо гимна запустили фонограмму с бразильской самбой. В ответ на явное пренебрежение к себе сборная Уругвая выиграла у югославов со счетом 7:0. Затем уругвайцы обыграли США (3:0), Францию (5:1), Голландию (2:1) и в финале – Швейцарию (3:0). Все эксперты единодушно признали, что эта команда была не просто победительницей, а действительно лучшей в техническом и тактическом отношении командой турнира. Кстати, извиниться перед уругвайскими футболистами организаторы забыли.

Еще в марте 1921 года Пьер де Фредри барон де Кубертен обратился к членам МОК с просьбой освободить его от руководства Комитетом после проведения Парижской Олимпиады. Преследуемый болезнями и материальной нуждой, критикой недругов из Германии и США, что затрагивало честь основателя современных Олимпийских игр, 62-летний барон на сессии МОК в Праге в мае 1925 года официально подтвердил свое намерение уйти в отставку. Изрядно разочарованный, он опубликовал «спортивное завещание», в котором, еще раз изложив свою концепцию относительно сущности спорта: «Профессионализм – вот он враг!» – делает следующее заключение: «Несмотря на некоторые разочарования, которые в одно мгновение разрушили мои самые лучшие надежды, я верю в миролюбивые и нравственные качества спорта. На спортивной площадке не существует ни друзей, ни врагов, политических или социальных. Есть только люди, занимающиеся спортом».

28 мая 1925 года Международный олимпийский комитет избрал нового президента. Им стал бельгийский дипломат граф Анри де Байе-Латур, который исполнял свои обязанности до 1942 года, вплоть до самой смерти.

Капризы альпийской погоды

Швейцария – маленькая страна, почти вся покрытая горами: на ее территории находятся практически все самые высокие массивы Западной Европы.

Заснеженные вершины Альп, голубые озера, ярко-зеленые долины, преимущественно небольшие города с еще сохранившимися узкими средневековыми улочками и домами с раскрашенными как на картинках в детских сказках фасадами, украшенными большими замысловатыми гербами – вот характерные внешние черты страны.

Южная Швейцария уже давно привлекала туристов, особенно любителей зимнего спорта. Здесь, в Швейцарских Альпах, прекрасные климатические условия для развития зимних видов спорта: зима относительно холодная (температура обычно опускается до минус 10–12 градусов, иногда – до 20), но почти всегда очень солнечная. Поэтому горные местечки Южной Швейцарии – Давос, Санкт-Мориц, Церматт, Гштад Вербье и другие – стали центрами туризма и лыжного спорта.

Пожалуй, самым спортивным из этих маленьких горных курортных городков был Санкт-Мориц. Рассказывают, что своей известностью он обязан некоему господину Вадриту – хозяину отеля, который приходил в отчаяние от того, что туристы, в основном англичане, приезжали на лето, а в начале осени покидали Санкт-Мориц. К 1860 году Вадрит так расхвалил зимний отдых в горах, что некоторые его клиенты пообещали вернуться зимой. Они сдержали слово и были так восхищены и очарованы, что, вернувшись в Англию, стали шумно рекламировать свой зимний отдых. С этого времени количество желающих отдохнуть там зимой все увеличивалось, а курорт все более расширялся и совершенствовался.

И вот здесь, в Санкт-Морице, было решено провести II зимние Олимпийские игры. Игры были намечены на февраль 1928 года, но уже к концу 1927-го было закончено строительство Олимпийского стадиона в Санкт-Морице. Он был небольшой, всего на 2200 мест, но и это обеспечивало организаторам Игр немалый доход: богатые туристы были готовы заплатить за билеты довольно приличную по тем временам сумму.

Жизненность Белых Олимпиад была доказана тем, что в Санкт-Мориц съехалось спортсменов в полтора раза больше, чем было на соревнованиях в Шамони.

Торжественное открытие соревнований состоялось 11 февраля, но уже на следующий день начались неприятности с погодой. Несмотря на свою значительную высоту, Санкт-Мориц оказался во власти фёна – сухого теплого ветра, который всегда приводил в отчаяние любителей зимнего спорта. Но обычно он все же недолго портил настроение спортсменам, а вот именно тот февральский фён 1928 года оказался чересчур теплым и дул, не переставая, очень долго. К тому же, в тот самый момент, когда начались состязания, к фёну прибавился еще и дождь. Стало ясно, что в подготовке Игр было продумано все, за исключением сроков: Олимпиаду надо было провести раньше.

Организаторы Игр были совершенно убиты, но не теряли надежды. 14 февраля перед забегами конькобежцев на 10 тысяч метров жаркое солнце подтопило лед беговых дорожек, но организаторы решили не отменять состязания. Забег открыли американец Ирвинг Джеффи и норвежец Бернт Эвенсен. Лед продолжал таять, и результаты от забега к забегу ухудшались. Пятая пара сошла с дистанции, поскольку качество льда уже не позволяло продолжать соревнования. Так рухнула последняя надежда. И тогда организаторы вынуждены были пойти на крайнюю меру – аннулировать забег на коньках на 10 тысяч метров. Если бы они позволили продолжить соревнования, это уже был бы чемпионат не по конькам, а по плаванию.

Соревнования были признаны законченными, и организаторы распределили медали между теми, кто успел пробежать. Лучший результат был у первой пары, «золото» вру-

чили Ирвингу Джеффи, «серебро» – Бернту Эвенсену. Финны и норвежцы подали протест, поскольку многие атлеты, включая одного из фаворитов, норвежца Ивара Баллангруда, не успели выйти на старт. Было принято решение итоги состязаний отменить и медали в этом виде не разыгрывать. Но делегация США потребовала вернуть медаль своему спортсмену Ирвингу Джеффи, пригрозив в противном случае покинуть Санкт-Мориц. Оргкомитет попытался достичь компромисса и принял решение провести повторный забег с наступлением благоприятных погодных условий. Это решение стало сюрпризом для норвежских конькобежцев, которые уже покинули Швейцарию, не надеясь на повторение соревнований. Впрочем, погодные условия так и не позволили провести повторные старты. Награды за самую длинную стайерскую дистанцию остались неразыгранными.

А накануне – 13 февраля – валил густой снег, и дорожку приходилось расчищать после каждой пары. Но, несмотря на это, результаты спринтеров на самой короткой дистанции – 500 метров – были очень высокими. Блестящий результат показал герой Шамони – трехкратный олимпийский чемпион Класс Тунберг – 43,4 секунды. Многие считали, что судьба золотой медали решена: вряд ли кто мог пробежать быстрее Тунберга. Так считали многие, но не норвежцы: они надеялись на чемпиона мира и Европы Бернта Эвенсена, который должен был бежать в восьмой паре вместе со своим соотечественником, серебряным призером Игр в Шамони Оскаром Ольсенем. Надежды норвежских болельщиков оправдались. Эвенсен выиграл забег, показав 43,4 сек. – такое же время, как и Тунберг. Им обоим были вручены золотые медали. А бронзовые награды получили сразу три конькобежца – норвежец Роальд Ларсен, американец Джон О'Нейл и финн Яакко Фриман. Для Оргкомитета такой результат стал полной неожиданностью. Дело в том, что было приготовлено всего три медали: золотая, серебряная и бронзовая. Пришлось взять медали, приготовленные для победителей последующих состязаний.

Во второй половине дня проводились забеги на 5000 метров. Снегопад усилился, началась настоящая метель. Три спортсмена сразу отказались выйти на старт. В итоге из 33 заявленных участников стартовало только 30. Непогода не позволила никому показать хороший результат.

Лыжная гонка на 50 км проводилась 14 февраля, в тот самый день, жертвой которого стали конькобежцы-стайеры. Зрелище было настолько необычным и смешным, что зрители не знали: смеяться им или снять шляпу в знак уважения перед упорством спортсменов.

Гонка началась утром, когда термометр показывал ноль градусов. Постепенно теплело. Сначала качество снега сильно изменилось, но в те времена еще плохо разбирались в этих технических тонкостях. Вскоре температура поднялась до 25 градусов. На участках, открытых солнцу, снег превратился в грязное месиво, и когда лыжники проходили по ним, раздавалось чавканье. Одни прекратили гонку, совершенно выдохшись, другие – сходили с дистанции, вдруг поняв, что это был иной вид спорта, нежели тот, в котором они начали соревнование. На старт вышел 41 лыжник, финишировали лишь 30. Несшедшие с дистанции с упорством продвигались вперед. Некоторые останавливались, чтобы раздеться. Глядя на основную группу, двигавшуюся за несколькими лидерами, вырвавшимися вперед, можно было скорее подумать, что это отступление разбитой армии, а не спортивное состязание.

Но целью этой гонки были олимпийские медали, и самые мужественные спортсмены упорно шли вперед. В гонке не участвовал ни один из призеров прошлых Игр в этом виде, поэтому предсказать победителя было очень сложно. А тут еще и погода – хуже некуда. Трасса гонки вела от Олимпийского стадиона на юго-запад к озеру Сильваплана. Здесь, на северном берегу озера, первый контрольный пункт – 5 километров. Лучшим на первой пятикилометровке был норвежец Оле Хегге, второе время показал швед Вольгер Андерссон, третье – другой швед Пер-Эрик Хедлунд.

Ко второму контрольному пункту вел очень сложный участок, на котором бесчисленные подъемы чередовались со спусками. И после десяти километров лидерство сохранял Хегге. Хедлунд догнал Андерссона, и теперь их от лидера отделяли всего 24 секунды. Между десятым и пятнадцатым километрами дистанции лыжня круто поворачивала к берегу озера Зильзер. На этом участке перепад высот достигал двухсот метров: затяжной подъем, затем такой же затяжной спуск. Положение в лидирующей группе изменилось: Хедлунд прошел 15 километров за такое же время, что и Хегге. Теперь лидеров стало двое. За ними упорно держался Андерссон, а на четвертое место вышел чемпион мира 1926 года Матти Райвио из Финляндии, который проигрывал лидерам 2 минуты.

Когда участники гонки прошли 20 километров и первый питательный пункт, а трасса достигла своей крайней юго-западной точки, положение стало проясняться. Хедлунд имел уже преимущество в две с половиной минуты перед Андерссоном, а Хегге откатился на третье место. После 25 километров, на обратном пути Хедлунд окончательно закрепил свое преимущество и закончил гонку за 4 часа 52 минуты 3 секунды. Первоначальный лидер Хегге был на финише лишь пятым. Последними к финишу пришли три представителя Югославии. Они почти на два часа отстали от победителя гонки. А сам победитель затратил на дистанцию на 1 час 8 минут больше, чем Турлейф Хауг – победитель 50-километровой гонки в Шамони. Это время, зафиксированное хронометром, лучше всяких слов говорит о качестве трассы и о воле лыжников к победе.

Сразу после окончания гонки пошел ливневый дождь. Это была стена дождя, даже старожилы не помнили такого в это время года. Дождь шел 24 часа. 15 февраля ни о каких соревнованиях не могло быть и речи. Совершенно отчаявшись, устроители подумывали уже о том, чтобы прекратить Игры. Но вдруг к вечеру погода вновь резко изменилась, дождь прекратился, похолодало, подморозило. Всю ночь швейцарцы работали, как каторжные, чтобы привести в порядок все спортивные сооружения. Чудом им это удалось.

В качестве показательных соревнований организаторы устроили гонки военных патрулей. Дистанция составляла 28,05 километров со стрельбой на четырех огневых рубежах. Участвовать в этих показательных соревнованиях вызвались представители девяти европейских армий. Начались соревнования со скандала. Французский патруль категорически отказался от встречи в гонке с командой германского рейхсвера: еще свежа в памяти была Первая мировая война. Французов долго уговаривали, и, наконец, они согласились выйти на старт.

Из-за постоянных капризов погоды зимняя Олимпиада в Санкт-Морице прошла в нервной обстановке, но все же праздник зимнего спорта получился. Вторые зимние Игры еще раз показали, что МОК принял правильное решение, вовлекая в орбиту олимпийского движения представителей зимних видов спорта. Но не надо думать, что с того момента жизнь представителей зимних видов спорта в олимпийской семье покатила, как по маслу. Как бы не так! Прошло больше тридцати лет, и нашелся человек, который захотел отменить зимние Олимпийские игры. Ладно бы это был не совсем нормальный противник зимы, снега, лыж, коньков и всего того, что сопутствует зимнему спорту! Этим человеком оказался сам президент Международного Олимпийского комитета Эвери Брэндедж. В начале 60-х годов он предпринял официальную попытку отменить зимние игры. И мы должны сказать спасибо и отбить низкий поклон тогдашнему президенту Международной федерации лыжного спорта Марку Ходлеру. Именно он сумел отстоять зимние спортивные праздники.

Королева против Олимпиады

На проведение Игр 1928 года МОК получил лишь одну заявку – от крупнейшего города Нидерландов Амстердама. Естественно, она была удовлетворена. Впервые не приехал на Игры их основатель Пьер де Кубертен – он тяжело заболел. Накануне открытия Игр он послал свое обращение «спортсменам и всем, принимающим участие в Играх IX Олимпиады». Предполагая, что он, возможно, не сможет присутствовать и на Десятой Олимпиаде 1932 года, Кубертен писал: «Я должен поступать мудро и хочу использовать эту возможность, чтобы попрощаться с вами». В своем обращении Кубертен призвал спортсменов и всех, кто имеет отношение к Олимпийским играм, «строго и верно поддерживать живым пламя возрожденного олимпийского духа и соблюдать все его необходимые принципы... Основным является то, чтобы все, от юноши до зрелого человека, культивировали и доносили до других истинный спортивный дух честности и рыцарского беспристрастия».

Обращение он заканчивал словами: «Я от всего сердца выражаю свою благодарность всем тем, кто был вместе со мной и помогал мне в течение сорокачетырехлетней борьбы, часто не легкой и не всегда удачной».

Накануне открытия Игр произошел большой скандал. Французские спортсмены решили познакомиться с олимпийским комплексом, состоявшим из футбольного поля, окаймленного кольцом, предназначенным для соревнований по легкой атлетике. Вокруг этого кольца тянулось другое – из цемента – для велогонок. Все это было окружено уютными трибунами на сорок тысяч мест, над которыми возвышалась башня, похожая на ветряную мельницу. Группа французских спортсменов во главе с генеральным секретарем федерации легкой атлетики Франции Полем Мерикампом подошла к стадиону и наткнулась на сторожа, который запретил им входить внутрь. Буквально за несколько минут до этого на стадион вошла немецкая команда, и ярость французов трудно описать. Мерикамп попытался отодвинуть сторожа в сторону, тот, защищаясь, ударил французского руководителя по лицу связкой ключей. Началась потасовка, спортсмены сторожа побили и провели несколько часов в полицейском участке. Организационный комитет незамедлительно принес им извинения, и на этом инцидент был бы исчерпан. Но на следующий день автобус французов был остановлен перед въездом на стадион из-за того, что у них не было пропуска на проезд. Спортсмены вышли из автобуса и направились к стадиону пешком. И тут произошло точное повторение вчерашнего происшествия: тот самый сторож, который нокаутировал Мерикампа, опять встал на пути французской делегации. Это уж было чересчур! Посчитав это провокацией, французы сели в автобус и уехали с парада. Пришлось вмешаться министру иностранных дел.

Если считать происшедшее с французской делегацией недоразумением, в остальном все прошло нормально, без особого шума, тихо и как-то неспрадно, буднично. Может быть, потому, что категорически возражала против проведения Олимпиады королева Нидерландов Вильгельмина. Королеву раздражало устройство на ее земле «языческих игрищ». Прошло больше тысячи лет, и оказалось, что наследие римского императора Феодосия, запретившего Олимпийские игры, еще живо и в XX веке можно было еще встретить особ королевской крови, считавших праздник молодежи всего мира проявлением язычества. Во всяком случае королева Вильгельмина, истая христианка, решительно отказалась принимать участие в церемонии открытия Игр. После долгих уговоров Игры пришлось открывать не первому лицу государства, а ее супругу принцу Оранскому Хендрику. Королева на олимпийских мероприятиях не присутствовала.

В первый раз в олимпийской программе появились соревнования среди женщин по легкой атлетике – бег на 100 и 800 метров, эстафета 4 × 100 метров, прыжки в высоту, метание диска, и по гимнастике. Как это ни странно, не последнюю роль в дискриминации женщин играл Пьер де Кубертен. Его четыре «не» – «непрактично, неинтересно, неэстетично и некорректно» – долго удерживали МОК от признания женского спорта. Лишь после отставки барона либералы в МОК смогли провести в жизнь расширение женской части программы. В легкой атлетике женщины были допущены поначалу только к пяти видам программы (у мужчин их тогда было 22).

На женских соревнованиях по легкой атлетике произошло несколько неприятных инцидентов: во время забегов на 800 метров молодые женщины без сил падали на дорожку. С 1932 года эту дистанцию исключили из олимпийской программы, и вновь она появилась лишь на Играх XVII Олимпиады, в 1960 году. Кто ж тогда знал, что пройдет еще несколько десятков лет, и женщины вполне официально наравне с мужчинами станут бегать даже марафон.

Игры в «Хрустальном» городке

Во время сессии МОК, проходившей в Лондоне, было принято предложение американцев провести III зимние Олимпийские игры в маленьком городке Лейк-Плэсиде, расположенном на границе США и Канады над двумя сверкающими озерами. Лейк-Плэсид, в переводе с английского «Тихое озеро», окаймляет густой сосновый лес Адирондака на высоте 568 метров над уровнем моря. Эту маленькую заброшенную деревеньку, каких много было в те годы в Америке, с трудом можно было представить столицей мирового зимнего спорта. Но вот уже несколько лет эта деревенька, население которой насчитывало меньше трех тысяч человек, была новым модным зимним курортом.

Зимний отдых в 1932 году – в основном бег на лыжах и в меньшей степени прыжки с трамплина – был привилегией немногих состоятельных любителей активной жизни. Горнолыжный спорт, каким мы знаем его сегодня, не существовал: различные подъемники крупных лыжных курортов были сооружены на несколько лет позднее. Бобслей в США должен был подождать со своим появлением, пока в 1932 году построили первую американскую бобслейную трассу. Фигурное катание было дорогим хобби, неизвестным широкой американской публике, а бег на коньках был ограничен Лейк-Плэсидом и несколькими другими центрами зимнего спорта, размещенными в северных районах страны.

Как Лейк-Плэсид стал зимним курортом? Рассказывают, что первый толчок дал Клуб Лейк-Плэсида, который возник в 1890 году как летнее пристанище для верхушки американского общества. Основатель Клуба Мелвил Дьюи решил в 1904 году превратить Клуб в круглогодичное место развлечений. Привезя из Норвегии 40 пар деревянных лыж, он ввел обязательные для членов Клуба оздоровительные лыжные кроссы, катание на санях и коньках.

Время с 1904 года до Великой депрессии в тридцатых годах было золотой эрой для Лейк-Плэсида и его знаменитого Клуба. Это была эпоха сооружения больших отелей и выколачивания баснословных прибылей. Клуб имел собственное почтовое отделение, пожарную команду и даже свою собственную службу безопасности. Члены Клуба, приезжавшие на отдых, выходили из поезда на местной станции и пересаживались на клубный паровик для короткой поездки в главный корпус, где они располагались в просторных номерах со всеми удобствами и даже с камином.

Длинное ленивое лето заполнялось игрой в гольф, теннис, бридж или крокет днем и элегантными котильонами и концертами на открытом воздухе – вечером. Зимой занимались лыжами, коньками, санным спортом и – в качестве нововведения – лыжной буксировкой: это когда лыжник пассивно тянулся по снегу и льду за добронравной гужевой лошадей. Среди наиболее популярных развлечений были «индейские костры», во время которых члены Клуба, одетые в сложные костюмы индейцев, воспроизводили ирокезские ритуалы, завершавшиеся разведением огромного костра, освещавшего значительную часть городка.

Клуб помог определить характер Лейк-Плэсида. Приезжие должны были пробудить городок, и они пробудили его с изяществом. Лейк-Плэсид считался местом простых забав – по контрасту с такими показными курортами, как Ньюпорт или Палм-Бич.

«Миллионеры здесь были тихими, – вспоминал постоянный посетитель этих мест. – Они жили просто и носили старую одежду. Их жены часто выглядели как кухарки. Если член Клуба привозил сюда своего дворецкого, над ним смеялись. Лейк-Плэсид был изысканным городком, судя по тем колоссальным суммам, которые здесь расходовались, но он был как бы наивен, может быть, скорее даже бесхитростен».

Жители Лейк-Плэсида, многие из которых работали в Клубе, заразились от его членов любовью к зимнему спорту. Озеро Миррор-Лейк, замерзавшее каждую зиму, было идеаль-

ной ареной для катания на коньках, и мальчишки Лейк-Плэсида буквально дневали и ночевали на этом озере.

«Вы не представляете той мании катания на коньках, какая была здесь тогда, – вспоминает старожил. – По субботам зимой все магазины закрывались после полудня, потому что устраивались соревнования. Приходили все. На льду устанавливались большие трибуны. Просто удивительно, что лед не проламывался».

В конце зимы ребятам, набравшим наибольшее число очков, торжественно вручались призы.

Обращаясь к Международному олимпийскому комитету с заявкой на право проведения в 1932 году зимних Игр, делегация Лейк-Плэсида была особенно уверена в своем превосходстве по одному из наиболее тревожных пунктов: «Климат Лейк-Плэсида зимой необычайно устойчив, – заявили делегаты. – Редко возникает необходимость перенести соревнования даже на один день». Это было особенно важно, потому что уже дважды погода преподнесла сюрприз организаторам и участникам Белых Олимпиад. В Шамони ливень обрушился на спортсменов, а в Санкт-Морице теплый ветер растопил снег и лед.

Но в январе 1932 года, когда практически уже заканчивалась подготовка к Играм и до церемонии открытия оставались какие-нибудь две недели, погода вдруг стала абсолютно ненадежной. Тот январь был наиболее теплым в штате Нью-Йорк за 147 лет, в течение которых служба погоды вела наблюдения. Еще 25 января, когда десятки участников уже появились в городке и до открытия Игр оставалось всего десять дней, холмы вокруг лейк-плэсидского плато все еще не были покрыты снегом. Пришлось свозить снег на лыжню из районов, расположенных значительно выше. И потянулись с севера вереницы специальных поездов с контейнерами, забитыми снегом. Был создан настоящий транспортер на время проведения лыжных состязаний. Огромное количество рабочих таскали снег на трассу.

Другим тревожным фактором, повлиявшим на проведение Игр, было действие мирового кризиса, сократившего количество участников и зрителей. Стоимость проезда поднялась настолько, что большинство европейских команд вынуждены были приехать далеко не полными составами, а некоторые не приехали вообще. Окончательный список участников включал представителей только 16 стран, помимо США. В соревнованиях приняли участие всего 252 человека, причем США и Канада, для которых Игры были, по существу, «домашним соревнованием», были представлены 150 спортсменами. В то же время из стран, где зимние виды спорта были очень популярны, в Лейк-Плэсид приехали немногочисленные делегации. Например, команда Швеции состояла из 12 человек, а Финляндии – из семи. Ряд команд, в том числе Румынии, Венгрии, Польши и Бельгии, состязались только в одном или двух видах.

В течение всего января европейские команды приплывали в гавань Нью-Йорка на крупнейших судах того времени. Спортивные репортеры были особенно удивлены тем фактом, что многие команды привезли с собой поваров и запасы продуктов. Финны, прибывшие на «Беренгарии» 13 января, были нагружены ящиками с ржаным хлебом, мясными консервами и сыром. «Финская национальная диета», – поясняла газета. Норвежцы, приплывшие на «Европе», жаловались, что беспокойное море не позволило им делать на борту гимнастику, что может сказаться на их спортивной форме. Итальянцы с «Конте Бианкомано» возбужденно выясняли, как в Лейк-Плэсиде со снегом. Любимцами прессы сразу стала пара маленьких одиннадцатилетних фигуристов из Британии – самых юных участников Белой Олимпиады.

Наибольшее волнение в Лейк-Плэсиде вызвало прибытие 26 января океанского лайнера «Иль де Франс». Пассажиром на французском пароходе была знаменитая олимпийская чемпионка Соня Хени, похожая на куклу норвежская фигуристка. Она приехала защищать свой титул, который завоевала в 1928 году. 19-летняя блондинка пленила представителей

прессе еще до того, как ступила на американскую землю. «Соня спорхнула с «Иль де Франс», – восхищался один корреспондент, – с той же зефирной грацией, с какой она скользила по льду на всех мировых чемпионатах по фигурному катанию».

Подвергаясь постоянным интервью, убранный в меха чемпионка отрицала возможность как замужества, так и перехода в профессионалы, и сообщала репортерам, что это, вероятно, последняя ее Олимпиада: она планировала отправиться в Париж и там в Сорбонне посвятить себя изучению французского языка. Пресса также отмечала, правда, менее одобрительно, что Соня Хени поставила новый личный олимпийский рекорд, привезя с собой две дюжины мест багажа.

Тем временем в Лейк-Плэсиде наконец выпал снег. Толщина снежного покрова после снегопада 26 января составила шесть дюймов, 28 января к ним добавилось еще шесть, что позволило прыгунам с трамплина немного потренироваться, а горожанам позаниматься любимым развлечением – лыжной буксировкой.

За несколько дней до открытия Игр на главной улице вывесили знамена, а перед штаб-квартирами делегаций были развернуты их флаги. Отели и пансионаты, поднявшие цены до 15 долларов за комнату с отдельной ванной, заполнялись постояльцами. Ежедневно с юга и запада приходили специальные поезда, а запасные пути освободили для пульмановских вагонов, в которых должны были разместиться многочисленные приезжие.

Организаторов очень заботил вопрос: как оправдать расходы, связанные с подготовкой и проведением соревнований? В Игры уже было вложено 600 тысяч долларов, и эта сумма обещала в ближайшем будущем вырасти вдвое. Требовалось хоть частично оправдать затраты. В ход пустили рекламу. Газеты, журналы, радио зазывали:

– Леди и джентльмены! Спешите забыть на время мировой кризис. Приезжайте в Лейк-Плэсид на Олимпийские игры! Идеальное место, горный воздух, полный комфорт в специально выстроенном отеле. К вашим услугам всевозможные развлечения. Гонки настоящих собачьих упряжек, соревнования на продолжительность танцев. На старте соревнований по зимним видам спорта – лучшие спортсмены мира. Буфет с напитками (последнее являлось едва ли не главной приманкой для американских болельщиков, истомленных «сухим законом». – *В. Ш.*). В заключение вы станете свидетелями похищения настоящими горными бандитами известного чемпиона Бэджера. Бандиты требуют выкупа в десять тысяч долларов. Спешите в Лейк-Плэсид, леди и джентльмены!

Много споров и недовольства со стороны европейских спортсменов вызвали в Лейк-Плэсиде конькобежные соревнования. Дело в том, что с того момента, как официально стали проводиться соревнования по скоростному бегу на коньках, в частности, чемпионаты мира (а их история к Лейк-Плэсиду уже достигла сорока четырех лет), состязания проводятся парами, то есть два конькобежца бегут каждый по своей дорожке. Американцы же решили провести соревнования с общим стартом: спортсмены стартовали все одновременно, как в стайерском беге в легкой атлетике. Это правило распространялось и на отборочные забеги, и на финальные. Если в легкой атлетике это оправдано, так как скорость бега сравнительно невелика, то ввести такой старт на ледовой дорожке означало исказить саму природу этого спорта.

Скоростной бег «по-американски» превратился в силовой спорт: спортсмены расталкивали друг друга, стремясь вырваться вперед. При каждом старте американцы, привыкшие к такой неспортивной борьбе, оказывались хозяевами положения. Большинство европейцев выбыли из борьбы после отборочных соревнований. А знаменитый финн Клас Тунберг, четырехкратный олимпийский чемпион и пятикратный абсолютный чемпион мира, решительно отказался участвовать в соревнованиях с такими правилами.

Только двум норвежцам – чемпионам предыдущих Игр Бернту Эвенсену и Ивару Баллангруду – удалось прорваться в призеры. Все остальные места в шестерках заняли американские и канадские скороходы. Европейские спортсмены были в ярости и поклялись взять реванш. Им удалось это сделать спустя несколько дней. Здесь же в Лейк-Плэсиде проводился чемпионат мира по обычным международным правилам, и американские спортсмены потерпели сокрушительное поражение от скандинавов. Многоборье и три дистанции выиграл Баллангруд, а в спринте победил Эвенсен.

Соревнования по прыжкам с трамплина чуть не сорвались из-за проливного дождя, который шел всю ночь. Но к утру похолодало, и решено было проводить соревнования. Правда, на площадке, куда приземлялись прыгуны, было полно луж. Зрелище было поистине удивительным: люди-птицы, изящные и стройные, взмывали в голубую высь, элегантно приземлялись и, скользя вперед, попадали в огромные лужи, вздымая лыжами фонтаны брызг. А затем, насквозь промокшие, под пронизывающим холодным ветром стояли, дожидаясь очереди на подъемник. Казалось, эти парни высечены из камня. После такой «ванны» они подвергали свою жизнь опасности дважды: во-первых, рисковали сильно простудиться, а во-вторых, разбиться при приземлении из-за затвердевших на ледяном ветру мышц.

Сенсации на бобслейной трассе Ван Ховенберг начались еще до открытия соревнований. Во время тренировки четырехместные сани «Германия-I», рулевым на которых был чемпион мира Цан, на одном из поворотов вылетели из желоба и, пролетев по воздуху метров пятьдесят, упали в густой кустарник. Цан сломал руку. Через два дня другие немецкие сани «Германия-II» на скорости около ста километров в час перескочили через заграждение и, упав с 25-метровой высоты, разбились в каменистом овраге. Теперь уже трое из четырех членов экипажа были помещены в больницу с серьезными травмами спины и головы. Германия быстро набрала команду из числа немцев, живущих в США.

Эти сенсации привлекали к бобслею огромные толпы зрителей – любителей острых ощущений. Жителей Лейк-Плэсида влекло к бобслею и то, что честь Соединенных Штатов в соревнованиях бобслеев-двоек защищали их земляки – братья Хуберт и Кертис Стивенсы. Братья были представителями местного аристократического общества, «меховой и твидовой» знати, которая сыграла большую роль в том, что первые в истории американские зимние Игры проводились именно в Лейк-Плэсиде. Свои доходы семья Стивенсов получала от «Стивенс-хауза», большого красивого отеля, расположенного на холме между двумя озерами города. «Стивенс-хауз» не страдал от депрессии, так же, как не страдал от нее класс атлетов-джентльменов, олицетворением которого были братья Стивенсы. Они не подкачали – стали чемпионами.

Организаторы III зимней Олимпиады, боясь, что официальные соревнования не принесут большой прибыли, решили сделать еще и большую неофициальную программу: показательные выступления, основной целью которых было выкачать из зрителей как можно больше денег. В эту неофициальную программу входил скоростной бег на коньках среди женщин. Эти соревнования вызывали несомненный спортивный интерес. Проводились они на трех дистанциях – 500, 1000 и 1500 м, участвовали в них 10 спортсменок из США и Канады.

Два других вида показательных соревнований были типично американскими. Организаторы ссылались на то, что «идут навстречу интересам американского зрителя». Как говорят, кто платит, тот и музыку заказывает. А зритель платил, и платил неплохо. Билеты на показательные соревнования по керлингу и на гонки собачьих упряжек стоили дороже, чем на основные соревнования.

Гонки собачьих упряжек – соревнование, прямо скажем, далекое от Олимпийских игр. Но на американском континенте их любили, и организаторы не преминули этим воспользоваться. Двенадцать участников в течение двух дней должны были на собаках преодолеть 80 км. Быстрее всех дистанцию прошел Эмиль Сен-Годдард из Канады. Интересно, что среди представителей США была одна женщина – миссис Силей. Несмотря на то что она была единственной, никто не пропустил ее вперед и она заняла самое последнее 12-е место.

Через несколько лет после Белой Олимпиады «золотая эра» Лейк-Плэсида начала увядать. Виновником этого был кризис, охвативший практически весь западный мир. Слишком много людей больше уже не могли осилить летних идиллий прошлого. Последним символом упадка стала трансформация аристократического Клуба Лейк-Плэсида, этого элегантного оплота привилегированности и исключительности, в его современное сомнительное воплощение – массовый курорт.

Времена Великой депрессии

Шел 1932 год. Мир переживал времена глубокой депрессии. Крах рынка ценных бумаг свел многих финансистов в могилу, уделом других стала торговля овощами на улицах, и это еще считалось удачей. Америку охватила Великая депрессия. Не за горами был и развал национальных банков. Безработица превысила все мыслимые нормы. В таких условиях готовились Игры X Олимпиады.

Когда Лос-Анджелес впервые заявил о своем желании провести у себя Игры, в мире все еще царил благополучие, которого огромными усилиями удалось достичь после Первой мировой войны. Впервые предприимчивый и проницательный представитель Лос-Анджелеса Уильям Мэй Гарланд, вооружившись пригласительным письмом от мэра города, появился на сессии МОК в Антверпене в 1920 году. Он привез запрос на проведение Игр 1924 года или в крайнем случае Игр 1928 года. Гарланду сказали, что для проведения Игр 1924 года уже избран Париж, а на Игры 1928 года претендует Амстердам. Члены олимпийского ареопага были так заморожены убедительными речами человека с берегов Тихого океана, что проголосовали за его прием в МОК и предложили Лос-Анджелесу проведение Игр 1932 года. Официально это решение было оформлено на сессии в Риме в 1923 году.

Когда просьба Гарланда была удовлетворена, он вернулся на родину и приступил к работе. Он возглавил Общественную Ассоциацию Развития, которая вскоре стала основой Оргкомитета по подготовке Олимпийских игр. Несмотря на нарастающий пессимизм, в конце 1929 – начале 1930 года по всему миру во все национальные олимпийские комитеты были разосланы приглашения, напечатанные на красивой тисненой бумаге. Понимая, что в условиях финансовой депрессии многие страны побоятся тратить средства на отправку спортсменов так далеко и это станет препятствием в проведении Олимпиады, Гарланд и его комитет разработали хитроумный план.

Представ перед МОК в 1930 году, представитель Лос-Анджелеса объявил, что для каждого участника выделено по 2 доллара в день, что обеспечит их питанием, проживанием, развлечениями и возможностью пользоваться местными видами транспорта. Оргкомитету удалось получить скидки на билеты на пароходы и поезда, а это означало, что, например, каждый спортсмен из Европы потратит на тридцатидневную поездку туда и обратно не больше пятисот долларов, то есть треть ранее предполагаемой суммы. После таких обещаний заявки на участие потекли широким потоком. Однако Гарланд и его партнеры смогли вздохнуть с облегчением лишь несколько месяцев спустя, когда первые участники Игр стали прибывать в порты США.

А в середине 1929 года ситуация была еще настолько серьезна, что, опасаясь большого недоезда команд, НОК США решил обратиться к Советскому Союзу с предложением участвовать в Играх. И 10 июля 1929 года комиссия внешних сношений ВСФК сочла целесообразным проведение переговоров с представителями Олимпийского комитета США. С советской стороны переговоры вел Иван Жолдак, занимавшийся в ВСФК международными вопросами. В ходе беседы Жолдак сказал, что участием советской делегации в Играх препятствует отсутствие у СССР дипломатических отношений с Соединенными Штатами. Содержание переговоров стало известно американской прессе, и в нескольких американских газетах появились публикации, призывающие признать Советы. Но из этого тогда ничего не получилось.

Несмотря на большие трудности, Олимпиада в Лос-Анджелесе началась вовремя – 30 июля, и до 14 августа приковывала к себе внимание мировой спортивной общественности. Первое разочарование любители спорта испытали, узнав, что две звезды, два великих бегуна

– финн Пааво Нурми, девятикратный олимпийский чемпион, и француз Жюль Лядумег, призер Олимпиады и рекордсмен мира, не допущены к участию в соревнованиях. Их обоих обвинили в нарушении статуса любительства.

Французская федерация легкой атлетики после долгих попыток покрыть Лядумега – ведь он был явным претендентом на победу в беге на 1500 метров – решила его отчислить, когда уже никак нельзя было скрыть, что любимец публики «Жюло» систематически продавал свой талант бегуна, рекламируя товары различных фирм. Возможно, французские спортивные руководители продолжали бы закрывать на это глаза до окончания Игр, если бы не узнали, что шведы готовятся поднять по этому поводу большой шум.

Финская федерация избрала другой путь. Она заявила Нурми на участие в марафоне, надеясь, что славный ветеран сможет получить свою девятую золотую медаль. И случилось то, что должно было случиться: МОК, в распоряжении которого находилось досье с тяжкими обвинениями, запретил финскому спортсмену выйти на старт. Суть обвинений, кстати, заключалась в том, что Нурми незадолго до Олимпиады попросил, чтобы ему оплатили транспортные расходы для поездки на турнир в Германию.

Состязания легкоатлетов проходили на главной арене «Колизея». Стометровку выиграл американский негр Эдди Тоулэн, опередивший на грудь своего соотечественника Ральфа Меткэлфа. Оба показали одинаковое время – 10,3 секунды, что было лучше мирового рекорда. Тоулэн подтвердил свой успех победой в беге на 200 метров, но эту дистанцию, несомненно, должен был выиграть более мощный Меткэлф, ставший жертвой ошибки в измерении длины его дорожки: на самом деле он пробежал 202 метра. Меткэлф бежал, как он потом признался сам, лучше, чем когда-либо ранее, но Эдди Тоулэн уверенно лидировал. Поняв, что обойти соперника не получается, Ральф Меткэлф отказался от борьбы и в итоге занял третье место, отстав от победителя почти на три метра. После финиша Меткэлф признавался в интервью, что его преследует ощущение какой-то ошибки, как будто он слишком много пробежал. Франк Уикофф, еще один спринтер, предположил тогда, что судьи по недосмотру поставили бегуна на эстафетную стартовую отметку и он пробежал лишние два метра. В 1982 году спортивный обозреватель NBC Буд Гринспан при подготовке программы об Олимпиаде в Лос-Анджелесе изучил кадры кинохроники и доказал, что Ральф Меткэлф действительно пробежал не 200, а 202 м. Но оснований для пересмотра результатов не было: отставание бегуна на финише превышало лишние два метра.

Кстати, судейские ошибки на этой Олимпиаде были настолько часты, что один из журналистов назвал Игры в Лос-Анджелесе «Олимпиадой судейских ошибок и просчетов». Например, в финале бега на 3000 метров с препятствиями произошел единственный в истории Олимпийских игр случай – счетчик кругов отлучился со своего поста, и в его отсутствие бегуны вместо трех тысяч метров пробежали 3450 метров. Или еще один пример. Французский дискобол Поль Винтер сделал весьма удачный бросок – послал диск за 50-метровую отметку. Это ясно видели все зрители и не заметили только... судьи. Чтобы как-то исправить оплошность, французам любезно предложили дополнительную попытку. Но сильно огорченный Винтер в дополнительной попытке не сумел повторить свой великолепный бросок, и золотая медаль досталась американцу Джону Андерсону, метнувшему диск всего на 49 м 49 см. Это хоть и был новый олимпийский рекорд, но горечь от странной судейской ошибки осталась у всех.

Чемпион Игр 1928 года швейцарец Жорж Миз в ходе состязаний громко возмущался неверными, с его точки зрения, решениями судей. В вольных упражнениях спортсмен занял второе место, уступив венгру Иштвану Пелле. Узнав свою оценку, он набросился с оскорблениями на венгерского судью Золтана Дюкштейна и обвинил арбитра в подсуживании соотечественнику. Вопрос о поведении Жоржа Миза был направлен на рассмотрение судейской

коллегии, которая дисквалифицировала гимнаста до конца соревнований. Второе место в вольных упражнениях за ним сохранили.

На соревнованиях по конному спорту произошел исключительный случай – ни одна команда не смогла получить Большой Приз Наций из-за допущенных ошибок, неправильного прохождения трассы, падений и т. д. Немало курьезов было и на соревнованиях пятиборцев. Один из самых массивных спортсменов – швед Свен Тофельт, который весил более ста килограммов, – по жребью получил самую легкую лошадь. Трижды падала она на дистанции, и чемпион Игр в Амстердаме сумел занять лишь пятнадцатое место. Все же в итоге Тофельт закончил состязания четвертым. А вот португальскому пятиборцу барону де Гередия досталась отличная, послушная лошадь с единственным, пожалуй, недостатком: она крайне болезненно реагировала на удары. И когда барон, что называется, с места в карьер пустил в ход хлыст и шпоры, лошадь тут же сбросила его наземь и убежала. С трудом поймали ее и подвели к де Гередия. Разъяренный спортсмен снова пустил в ход хлыст, и картина повторилась с абсолютной точностью. Не стоит говорить, каких трудов стоило португальскому спортсмену одолеть дистанцию конного кросса. Всякие шансы на успех в соревнованиях были утрачены безвозвратно.

Под тенью фашистской свастики

Олимпийские игры 1936 года в Германии (летние – в Берлине, зимние – в Гармиш-Партенкирхене) были самыми роковыми за всю историю: хорошая, почти без каких-либо ошибок организация, направленная исключительно на злоупотребление олимпийским движением, на превращение Игр в сотканный из напряженности, рекордов и соответствующего настроения занавес, за которым без помех и весьма настойчиво велась подготовка к самому жестокому истреблению народов.

На организацию Игр XI Олимпиады 1936 года претендовали одиннадцать городов трех континентов: девять европейских, причем четыре из них из одной страны – Германии: Берлин, Кельн, Нюрнберг и Франкфурт-на-Майне; столица Венгрии – Будапешт, столица Италии – Рим, столица Ирландии – Дублин и два города из других частей света: египетский – Александрия и аргентинский – Буэнос-Айрес. Впервые за честь организовать Олимпиаду боролись так много городов.

В этом конкурсе победил Берлин. Право на проведение зимних Игр также было предоставлено Германии, которая предложила Гармиш-Партенкирхен – небольшой баварский курортный городок, расположенный в Восточных Альпах на берегу реки Лойзах на высоте 732 метра над уровнем моря. Решение это было принято 13 мая 1931 года на сессии МОК в Барселоне, за два года до прихода к власти фашистов. В 1933 году была растоптана Веймарская республика и Германию накрыла тень фашистской свастики. На протяжении этих двух лет фашисты особых восторгов по поводу проведения Олимпиады не высказывали. Их газетенка «Фелькишер беобахтер» писала в 1932 году:

«Неграм на Олимпиаде делать нечего... К сожалению, в настоящее время можно видеть, как свободный человек часто борется за пальму первенства с несвободными черными, с неграми. Это беспримерное надругательство и дискредитация олимпийской идеи, и древние греки перевернулись бы в своих гробах, если бы узнали, во что современные люди превратили их священные национальные Игры. Следующие Олимпийские игры состоятся в 1936 году в Берлине. Мы надеемся, что лица, занимающие ответственные посты, знают, в чем состоит их долг. Черные должны быть отлучены. Мы ждем этого».

Другая немецкая газета, не долго думая, объявила Олимпийские игры «никому не интересным сборищем, которым заправляют евреи».

Лишь после того, как фашистские заправила поняли, что Олимпийские игры можно использовать для обмана всего мира относительно собственной политики и истинных замыслов, они вдруг «открыли полезность» Игр. В Берлине и Гармиш-Партенкирхене начали строить новые и реставрировать старые сооружения. В Берлине, например, довольно быстро стараниями генерал-лейтенанта фон Райхенау возникла Олимпийская деревня. Объяснялось это просто: вермахту срочно потребовались корпуса для военного училища.

Гвидо фон Менгден, занимавший в тридцатых годах один из руководящих постов в спортивном движении Германии, вспоминал в своей книге, появление которой было приурочено к Олимпиаде 1972 года: «Организационный комитет не испытывал никаких неудобств из-за того, что происходило тогда вокруг нас. Архитектор Вернер Марх создавал проект реконструкции старого стадиона. Комитет не волновала проблема финансирования, поскольку имперское правительство согласилось взять на себя все расходы по реконструкции спортивных сооружений. 5 октября 1933 года Гитлер пожелал познакомиться с главной ареной Олимпийских игр. В конце дня было принято решение о строительстве крупнейшего в то время спортивного сооружения в мире. Произошло это так. В самом начале осмотра совершенно не разбиравшийся в спорте Гитлер спросил у сопровождавших его лиц, почему

при реконструкции стадиона необходимо проводить такие значительные земляные работы. Левальд (президент НОК Германии) рассказал ему об убожестве беговой дорожки в Грюневальде. И тут диктатор разразился патетической речью. «Существующие сооружения снести, на их месте возвести новый громадный стадион германского рейха! Построить открытую эстраду гигантских размеров!» Поскольку площадка для строительства нового стадиона архитектору показалась неудобной, он предложил использовать участок территории, который находился в собственности прусского лесного ведомства. Проект был реализован очень скоро...»

Эффект, который производили громадные спортсооружения, дополнялся помпой, с которой проходила рекламно-пропагандистская кампания в период подготовки к Играм: был организован факельный пробег от древней Олимпии до Берлина (по пути следования бегунов проходили реваншистские митинги, и в первую очередь, в Судетской области в Чехословакии, «возвращение в рейх» которой, как известно, явилось одним из первых агрессивных актов Гитлера), отлили громадный Олимпийский колокол с демагогической надписью: «Я призываю молодежь мира» – лишь немногие понимали в то время, куда звал колокол молодежь, – в братские могилы.

Подготовительные работы в Германии велись с большим размахом. Руководство войск СА дало следующую директиву:

«Мы должны убедить весь мир в том, что в Германии царят покой и безопасность и что немецкий народ всем сердцем жаждет мира. Поэтому запрещается петь песни периода захвата власти, если их исполнение может в этой связи произвести неверное впечатление».

Пропагандистской шумихе все же не удалось парализовать развернувшееся во всем мире движение против проведения Игр в Германии – стране концентрационных лагерей. Прогрессивно настроенные люди почти во всех странах мира требовали перенести Игры в другую страну. Многие чемпионы и участники Олимпиады 1932 года, победители чемпионатов мира 1933, 1934, 1935 годов присоединялись к бойкоту Олимпиады и заявляли о своем нежелании ехать в Гармиш-Партенкирхен. Среди самых известных – чемпионы мира в парном фигурном катании венгерские фигуристы Эмилия Роттер и Ласло Соллаш, олимпийские чемпионы в этом же виде французы Андре и Пьер Брюне, французские бобслеисты Филипп Ротшильд и Жан Реймс, а также конькобежец чемпион Олимпиады-32 американец Джон Ши. Правда, массовый характер бойкот не носил.

В ответ на эти призывы бойкотировать Игры нацистское министерство пропаганды развернуло бешеную деятельность: во все концы планеты полетели приглашения, обещания, заверения в том, что Белая Олимпиада будет проведена безупречно, без всяких нарушений Олимпийской хартии. В борьбе за количество участвующих стран использовались все средства: от уговоров и взяток до угроз и шантажа. Вот только один пример. Национальный олимпийский комитет США заявил, что у него нет средств, чтобы послать делегацию в Гармиш-Партенкирхен. Буквально через несколько дней после этого в адрес американского НОК приходит по почте чек на 50 тысяч долларов. В сопроводительном письме написано, что это пожертвование «неизвестного спортсмена». Всезнающим газетчикам понадобилось совсем немного времени, чтобы раскрыть этот секрет. «Неизвестным спортсменом» оказался не кто иной, как... сам Геббельс – рейхсминистр пропаганды фашистской Германии.

В то время состав Международного олимпийского комитета был настолько реакционен, что было бы удивительно, если бы члены МОК прислушались к голосу международной общественности. Они слушали только себя. Поэтому МОК принял решение никуда из Германии Игры не переносить: ни зимние, ни летние.

Перед самыми Играми в Германию приехал президент МОК Анри де Байе-Латур. Ему рассказали о том, что в соответствии с принятыми «Нюрнбергскими законами», в которых евреи объявлялись людьми низшей расы, антисемитизм в Германии разразился с особой

силой. Его проявления не обошли и зимние Игры. К их началу в Гармиш-Партенкирхене возле туалетов были повешены таблички «Собакам и евреям вход воспрещен». При встрече с Гитлером Анри де Байе-Латура заявил:

– Господин канцлер, таблички с подобными надписями противоречат олимпийским традициям.

На это Гитлер ответил:

– Господин президент, когда вас приглашают в гости, вы не учите хозяев, как смотреть за домом, не так ли?

Ответ Байе-Латура был таков:

– Простите, господин канцлер, но когда флаг с пятью кольцами вывешивается на стадионе – это уже не Германия. Это Олимпия, и мы в ней хозяева.

Таблички были убраны. И это, пожалуй, единственное, чего смог добиться президент МОК. А хотел ли он большего – этого не знает никто.

В Гармиш-Партенкирхене до 4 февраля погода была пасмурной, и целыми днями лил дождь. Но потом вдруг резко похолодало и выпал снег. 6 февраля, в день открытия Игр, погода стояла прекрасная. Праздник открытия прошел помпезно, пышно, как выразился один французский журналист, развлекательную музыку сменил Вагнер, а легкость и беззаботность уступили место монументальности.

На следующий день после открытия все фашистские газеты, захлебываясь от удовольствия, писали о том, что Белая Олимпиада 1936 года – самая выдающаяся в современной олимпийской истории, что она уже побила все рекорды – и по количеству участников, и по количеству стран.

Что касается стран, то по сравнению, например, с Санкт-Морицем 1928 года количество их увеличилось лишь на три (было 25, стало 28). Кое-кто из тех, кто был в Швейцарии, в Германию не приехал, зато появились новые, в основном те, правительства которых заигрывали с нацистами. Впервые приняли участие в зимних Играх представители Австралии, Болгарии, Греции, Испании, Лихтенштейна и Турции. Все эти страны, кроме Австралии, прислали всего по несколько лыжников. Главное было отметиться, помочь своим фашистским друзьям установить рекорд. Кстати, ни один из дебютантов не получил ни одного зачетного очка.

Относительно количества участников тоже не надо заблуждаться. В протоколах числилось 646 спортсменов, треть из которых составили делегации стран-сателлитов: Австрии, Италии, Венгрии, Японии. Примерно столько же было в команде самой Германии.

Соревнования по горнолыжному, или альпийскому, двоеборью среди мужчин проводились с перерывом на один день. Сначала скоростной спуск, а через день – две попытки слалома. С огромным преимуществом спуск выиграл чемпион предыдущих Игр по прыжкам с трамплина норвежец Биргер Рууд. Этот смелый спортсмен оказался еще и самым хитрым. Дело в том, что трасса скоростного спуска была произвольной и ничто не мешало участникам искать самый короткий маршрут. Главное – уйти с обозначенного старта и прийти за возможно короткое время к финишу. Знакомясь с трассой, Рууд заметил, что она огибает кусок скалы, значительно продлевая маршрут. Он быстро сообразил, что если ему удастся перескочить через эту глыбу, не обходя ее, он сэкономит много времени. Ночью перед спуском он собрал товарищей и они нанесли снега и утрамбовали его таким образом, что получилось нечто вроде трамплина. Во время соревнований все участники спуска бросились огибать глыбу, тогда как Рууд, воспользовавшись «своим» трамплином, перемахнул ее. Так он сократил путь почти на 200 метров и пришел к финишу за 4 мин. 47,7 сек. Занявший второе место в спуске германский лыжник Франц Пфнюр отстал от Рууда на 4,1 сек.

Дебют двоеборцев не обошелся без скандала. Инструкторам по горнолыжному спорту запретили выступать на Олимпиаде – на том основании, что они не могут считаться спортсменами-любителями. Швейцарские и австрийские горнолыжники в знак протеста бойкотировали Олимпиаду.

Соревнования по бобслею тоже начались с протеста. В Гармиш-Партенкирхене это уже стало обычным явлением и мало кого удивляло. На сей раз, европейские бобслеисты протестовали против полозьев, применяемых американцами. Они утверждали, что эти полозья не соответствуют олимпийским правилам и, кроме того, портят желоб. Американцы пригрозили, что, если их не оставят в покое, они покинут Игры. Демарш подействовал безотказно, и все претензии тут же отпали.

Соревнования проводились неподалеку от озера Риссерзее на трассе длиной 1600 метров. Открыли их четверки. Два первых места заняли швейцарские экипажи. Американцам не помогли их необычные хитрые полозья, и они смогли занять лишь четвертое место.

Олимпийский хоккейный турнир собрал 15 команд. Это был рекорд. Когда впервые хоккей с шайбой появился в программе Олимпийских игр – это было на летней Олимпиаде 1920 года в Антверпене, – в турнире приняло участие 7 команд. В Шамони их было уже 8, в Санкт-Морице – 11. В Лейк-Плэсид приехало всего 4 команды. И вот в Гармиш-Партенкирхене собрался самый представительный турнир. 12 команд уже имели опыт олимпийских баталий, а три – Италии, Латвии и Японии – стали дебютантами. Все команды были разбиты на три подгруппы, по два победителя из которых выходили в полуфинал. Полуфинальные четверки составили таким образом, чтобы команды, уже встречавшиеся в предварительных матчах, на этом этапе больше друг с другом не играли. И, наконец, из каждого полуфинала четыре команды выходили в финал. Финальную группу составили команды Канады, Великобритании, Чехословакии и США. Положение этих команд в финале было далеко не одинаковым. По условиям турнира, команды, встречавшиеся между собой раньше, в финале не играли – просто засчитывался результат полуфинальных игр. Так вышло, что еще до начала финального турнира были засчитаны поражения канадцам от англичан и команде Чехословакии от американцев.

Чемпионы всех предыдущих Олимпиад, родоначальники хоккея с шайбой, канадцы выиграли и у американцев, и у чехов, но это дало им лишь 4 очка. Англичане очень легко победили хоккеистов Чехословакии со счетом 5:0, в матче с американцами не гнались за победой – им достаточно было ничьей, что и было зафиксировано в конце матча – 0:0. Кстати, это был всего лишь второй в олимпийской практике случай, когда хоккеисты во время матча не забросили ни одной шайбы.

Вот так англичане впервые стали олимпийскими чемпионами в хоккее с шайбой, оттеснив законодателей мод в этом виде спорта – сборную Канады на второе место. Правда, есть небольшой нюанс, приоткрывающий завесу тайны сенсационной победы англичан. В составе английской команды выступали почти все игроки из Канады. Впрочем, такое же положение было и во французской команде. Руководство делегации Канады даже потребовало по этой причине дисквалификации и английской, и французской команд. Но после долгих закулисных переговоров Канада, как примерный доминион, заботящийся о чести своей метрополии, все же отказалась от протеста по отношению к Англии, но оставила его в силе в отношении Франции. Французы обиделись и решили отозвать свою команду с Олимпиады и только после настоятельных уговоров согласились принять участие в хоккейном турнире, но, видимо, из-за предстартовых волнений дальше предварительных игр они не продвинулись.

После того как закончились IV зимние Олимпийские Игры, Гитлер направил свои войска в Рейнскую область, демилитаризованную по Версальскому договору. В ответ на протесты международной общественности он, ссылаясь на «волю к миру», якобы продемонстрированную на зимних Играх, цинично утверждал: «Когда несколько недель назад французские гости присутствовали на Олимпийском стадионе в Гармиш-Партенкирхене, у них была возможность убедиться в том, насколько мне удалось перевоспитать немецкий народ. И эта внутренняя готовность искать и находить такое согласие важнее надуманных попыток государственных деятелей оплести мир сетью юридических и, по существу, совершенно непонятных актов».

Но такой демагогией трудно было прикрыть то, что на самом деле творилось тогда в Германии. За гостями и участниками Игр велась весьма настойчивая слежка. Фашистские хозяева стремились во что бы то ни стало воспрепятствовать каким-либо контактам между немецкими «арийцами» и «цветными». В первые дни гестапо «предупредило» 52 женщин, замеченных в контактах с иностранцами, особенно с цветными, что это никак не совместимо с их достоинством и уж во всяком случае с предписываемой сдержанностью... Фашистские законы требовали строгой изоляции «неарийцев» от «арийцев».

Между зимней и летней Олимпиадами 1936 года прошло всего 4 месяца, и многочисленные зарубежные гости не успели многого заметить в германских столицах Олимпийских Игр.

И снова свастика накрыла кольца

Успешно проведя зимние Олимпийские игры и проверив на практике ноу-хау многих пропагандистских трюков, нацисты с огромным воодушевлением вступили в последний этап подготовки крупнейшего политического шоу – Олимпийских игр в Берлине. Гитлер решил превратить Олимпиаду в демонстрацию германского расового и технологического превосходства, при этом всячески подчеркивая свои мирные устремления.

«Мы всем им покажем тот мир, который обретен нами», – писал Геббельс в «Олимпиа цайтунг» от 1 августа 1936 года, накануне открытия Игр.

Одним из вопросов, волновавших мировую общественность, был разгул антисемитизма в Германии. Под нажимом многих общественных организаций МОК счел необходимым потребовать от представителей Германии совершенно четких заверений в недопустимости какой-либо дискриминации спортсменов еврейской национальности. И такие заверения пришлось в конце концов дать. Устроители Игр опасались за те колоссальные затраты, которые уже были произведены на подготовку Олимпиады: Игры могли сорваться в любой момент. Скрепя сердце, как говорят, Министерство внутренних дел Германии поручило своим представителям на сессии МОК в Вене в июне 1933 года выступить с заявлением, что всем еврейским спортсменам в Германии будет обеспечена «возможность участия» в Играх.

Член МОК, американский генерал Шерилл, владелец газеты, известный своими правыми антисемитскими взглядами, отправился в Германию и добился приема у Гитлера. При этом он меньше всего заботился о спортсменах-евреях, скорее это был выверенный рекламный трюк. Беседа была застенографирована, и ее привел Арнд Крюгер в книге «Олимпийские игры 1936 года и мировое общественное мнение»: «Гитлер твердо заявил, что данное в Вене согласие распространяется на евреев вообще, но ни в коем случае не означает обязательства позаботиться об участии евреев в германской олимпийской команде». Это невозможно уже потому, что «... в Германии установлено полное разграничение между евреями и немцами. Евреев не угнетают, их просто полностью отделили от немцев». Даже Шерилл был шокирован, ибо он впервые смог заглянуть за кулисы третьего рейха».

Смущение члена МОК, да к тому же американского генерала, было весьма некстати для Министерства внутренних дел, и Гитлера срочно проинформировали о тактике министерства при составлении заявления для сессии МОК. В этой связи Крюгер пишет: «Рейсшпортфюреру предоставили право в качестве президента Немецкого олимпийского комитета во всех видах спорта по итогам отборочных соревнований отобрать тех спортсменов – граждан Германии, которые могут выступить за немецкую команду».

В тот же день Гитлеру доложили о том, что Министерство внутренних дел намеревалось создать видимость выполнения олимпийских правил и не лишать рейх такого пропагандистского представления. Искусная маскировка должна была прикрывать нарушения олимпийских принципов. Гитлер тактику одобрил. Он приказал сообщить Шериллу, что «Германия будет неуклонно соблюдать Олимпийскую хартию».

Еще до начала Игр стало очевидно, в какой атмосфере они пройдут. Германский фашизм решил на деле доказать всему миру правильность своих расовых теорий. Олимпиада должна была стать триумфом светловолосых «сверхчеловеков». Именно они должны были оказаться самыми способными, сильными, быстрыми, ловкими. Для достижения этого были использованы все средства, и всякий зарубежный участник Игр, по замыслу хозяев, должен был пройти такую «обработку», которая повергла бы его в состояние моральной депрессии.

Чтобы затмить все предыдущие Игры по размаху соревнований и числу их участников, на службу Олимпиаде были поставлены министерство иностранных дел и министерство пропаганды. Для привлечения иностранных туристов за границу была брошена целая армия специальных эмиссаров.

К проведению Олимпийских игр приурочили созыв в Берлине различных международных конгрессов и совещаний.

В программу напряженной подготовки вошел и целый ряд полицейских мероприятий, осуществленных в Германии с целью скрыть от иностранцев проводимую политику разгрома демократических организаций, репрессий, удушения демократических свобод. Министерство внутренних дел Германии и начальник полиции Берлина издали множество секретных приказов и распоряжений, которыми предписывалось, например, в период с 1 июня по 15 сентября убрать все антисемитские лозунги, запрещалось использовать заключенных на работах, проводившихся поблизости от проезжих дорог...

Становилось все более очевидным, что нацистские заправилы принимают меры к тому, чтобы превратить Олимпиаду в профашистскую демонстрацию. Американский журнал «Крисчен сенчюри» в то время писал, что «нацисты используют факт проведения Олимпиады в целях пропаганды, чтобы убедить германский народ в силе фашизма, а иностранцев – в его добродетели».

Само собой разумеется, что для решения столь многочисленных задач, связанных с такими в конечном итоге не олимпийскими играми, потребовался громадный аппарат, который, и это неоспоримо, действовал «без сучка, без задоринки». Лишь люди, привыкшие видеть не только то, что происходит на переднем плане, были способны понять истинное значение происходившего.

Накануне Олимпийских игр по всему миру прокатилась волна гневных протестов против проведения Олимпиады в фашистской Германии. Еще в августе 1934 года в Париже состоялся международный антифашистский слет, на который прибыли почти пять тысяч представителей различных направлений спортивного движения из 19 стран. Председатель оргкомитета слета известный французский писатель Анри Барбюс говорил, обращаясь к людям разных национальностей и возрастов, религиозных и политических убеждений, о необходимости вырвать спорт из рук реакции, империализма и фашизма. По его мнению, был «сделан решающий шаг в интересах того, чтобы спасти физическую культуру и молодежь от уродливых церемоний фашизма...» К сплочению антифашистов призывали Максим Горький, Томас Манн, Мартин Андерсен-Нексе, Ромен Роллан, Рабиндранат Тагор, Леон Фейхтвангер. Пресса Европы и Северной Америки широко освещала и политические и спортивные события слета.

В июне 1936 года в Париже состоялась конференция в защиту олимпийских идей, в которой приняли участие представители многих стран. Конференция признала проведение Игр XI Олимпиады в фашистской стране несовместимым с принципами Олимпийских игр и обратилась ко «всем людям доброй воли и друзьям олимпийских идей с призывом бойкотировать гитлеровскую Олимпиаду».

На этой конференции выступил известный немецкий писатель и общественный деятель Генрих Манн. Он говорил об олимпийском духе – символе мира, об античных традициях физического и нравственного совершенства людей, об антигуманной сущности нацизма, который использует спорт в своих целях. В конце своего страстного выступления Манн сказал:

«Поверьте мне: каждый спортсмен, который едет в Берлин, станет там не кем иным, как гладиатором, пленником, шутком диктатора, который уже ощущает себя властителем мира. Едущий в Берлин поддерживает не только партию узурпаторов и угнетателей – он отрекается

от всех борцов против ужасного режима Гитлера... Олимпийский дух должен быть духом мира».

Парижская конференция призвала вместо Берлинской Олимпиады организовать Народную Олимпиаду в Барселоне. В Нью-Йорке был образован Совет борьбы за перенесение Олимпиады из Берлина. МОК направил свою комиссию в Берлин, но члены комиссии не увидели в столице фашистской Германии ничего, «что могло бы нанести ущерб олимпийскому движению». Таким образом, несмотря на мощное движение протеста, МОК не отменил решения о проведении Игр в Берлине. Проведению Народной Олимпиады в Барселоне помешал начавшийся в Испании фашистский мятеж.

Кстати, когда в олимпийской деревне в Берлине приветствовали прибывшего на Игры почетного гостя – победителя марафонских соревнований I Олимпиады Спироса Луиса, в непосредственной близости от олимпийской деревни проходило секретное заседание, о котором три года спустя нацистский писатель Вернер Боймельбург в своей книге «Борьба за Испанию – история легиона «Кондор» писал:

«Было принято решение о создании общества «Унион», которое вскоре начало формироваться под руководством майора Александра фон Шееле. 31 июля 1936 года государственный секретарь по делам авиации генерал Мильх утвердил состав упомянутого общества и объявил, что по приказу фюрера Испания получит помощь от Германии... Александр фон Шееле, имеющий богатый опыт участия в войнах на чужих территориях, разместил свою команду на пароходе «Усарамо», доверху нагруженном самолетами, бомбами, зенитками и т. д. В ночь на 1 августа «Усарамо» вышел в море».

А в это время в Берлине Гитлер объявил об открытии Игр XI Олимпиады, которые должны были скрыть от всего мира подготовку Германии к войне.

Фашиствующие фарисеи назвали олимпийскую деревню «деревней мира». Почти все руководители служб этой «деревни мира» вскоре заняли видные посты в гитлеровской армии.

Во время Игр Берлин был увешан флагами со свастикой, встречавшейся на его улицах и площадях куда чаще, чем пять олимпийских колец. Коричневая форма нацистов затмила многоцветье спортивных костюмов участников Олимпиады. И мало кто из спортсменов знал все, что творили в Берлине нацисты. Был исключен из состава участников обладатель серебряной олимпийской медали 1924 года в беге на 800 метров швейцарец Поль Мартен: нацисты в олимпийской деревне «обнаружили», что он является женихом еврейки. Легкоатлет успел приехать в Олимпийскую деревню, однако не прошел негласную проверку, которую вели организаторы в отношении всех участников Игр. Ни Швейцария, ни другие страны за Поля Мартена не вступились, и скандал был замят.

Полицейские ищeyки выискивали среди американских, голландских, шведских и, конечно же, немецких спортсменов «чистокровных» арийцев. При этом, не стесняясь, они утверждали, что целью поисков было создать новое поколение «олимпийских детей», для чего им необходимо было организовать супружеские пары из найденных «арийцев» и представительниц «Союза немецких девушек». Только так можно было, по их мнению, умножить число светловолосых и голубоглазых, а стало быть, совершенных людей.

Самую многочисленную команду выставили хозяева – 406 человек. Они участвовали во всех видах программы и решили любой ценой занять первое место в неофициальном командном зачете. В программу Игр были включены виды спорта, широко распространенные в Германии: гандбол, гребля на байдарках и каноэ, возобновлены соревнования по женской гимнастике. Был организован и конкурс искусств, на котором большинство золотых медалей (5 из 9) присудили немецким участникам. Все это позволило команде Германии занять общее первое место по числу завоеванных медалей.

Несмотря на успех немецкой команды, Олимпийские игры напрочь опрокинули бредовые нацистские расовые теории. Ведь Берлинская Олимпиада, по мнению нацистов, должна была стать демонстрацией подавляющего превосходства спортсменов арийского происхождения. Планы эти с треском провалились. В команде США по легкой атлетике десять негров заняли шесть первых, три вторых и два третьих места. Лучшим спортсменом Игр был признан знаменитый негритянский атлет, великий спринтер всех времен Джесси Оуэнс, и Берлинские игры так и называют – «Олимпиада Джесси Оуэнса», столица арийской расистской идеологии вынуждена была отдать лавры лучшего спортсмена мира негру.

Перед Берлинской Олимпиадой нацисты не устали твердить о превосходстве арийской расы. Успех Оуэнса наглядно доказал всю лживость этих бредней. Вот почему взбешенный фюрер покинул стадион, когда увидел, что негритянский спортсмен завоевал четвертую золотую медаль – больше, чем все «арийские» атлеты вместе взятые.

Дочь тогдашнего американского посла в Германии Марта Додд вспоминает:

«Однажды в дипломатической ложе оказался американский писатель Томас Вулф. После одной из особенно блестящих побед Оуэнса Том не сдержался и стал громко его приветствовать. Гитлер заерзал на стуле, оглянулся, отыскивал глазами злоумышленника и сердито нахмурил брови. Из беседы с одним из сотрудников Риббентропа, который казался весьма умным человеком, я узнала, что нацисты не видят разницы между неграми и животными и что для негров нет места на Олимпиаде... Он добавил, что мы, американцы, не посчитались с правилами, если допустили к соревнованию с прекрасными представителями германской расы таких недочеловеков, как Оуэнс, и что жюри Олимпиады должно было бы это запретить».

Существует легенда о том, что Гитлер отказался поздравить Оуэнса с победой. Одна из версий этой легенды гласит, что президент Международного олимпийского комитета граф Анри де Байе-Латур «подсказывал» Гитлеру, кому из олимпийских чемпионов нужно пожимать руку публично, а кого надо игнорировать. Истина, вероятно, выглядит иначе. Ловкие организаторы таким образом составили программу первого дня, что можно было надеяться на победу немецких спортсменов в двух видах: толкание ядра должен был выиграть Х. Вельке, а метание молота К. Хайн. Надежды сбылись, и Гитлер пригласил обоих в ложу для почетных гостей, где и поздравил победителей под радостные крики ста тысяч зрителей. Когда трое финских бегунов выиграли забег на 10000 м, он их также пригласил к себе и пожал им руки. Последним видом в тот день были прыжки в высоту, закончившиеся победой трех спортсменов США. Двое из них были неграми, один – белым. Гитлер посмотрел, как завершил состязание победитель в этом виде Джонсон, и покинул стадион. Байе-Латур, по-видимому, опасаясь, что именно этот жест даст лишний козырь противникам американского участия в Играх, обратился к своему другу по МОК, одному из руководителей СА фон Хальту с просьбой передать его опасения Гитлеру. После этого Гитлер стал приглашать только немецких победителей и приветствовал их в помещении позади ложи для почетных гостей.

Берлинские игры имели колоссальный пропагандистский успех: 3,77 миллионов зрителей, радиокomentаторы передавали репортажи на 41 страну мира, впервые велись телепередачи. Впервые был снят полнометражный документальный фильм об Олимпиаде. Его сняла самый знаменитый режиссер Германии Лени Рифеншталь. Впервые для передачи новостей использовали телекс. Каждый день выпускался информационный бюллетень, его получали 3690 газет и журналов, более трех тысяч из которых находились за пределами Германии. Поначалу бюллетени выпускались на пяти языках, а буквально через несколько дней после открытия Игр они стали выходить на 14 языках. Совершавший регулярные полеты через Атлантику немецкий дирижабль вылетел на день позже, чтобы доставить в США фотографии о закрытии Олимпийских игр. Тогда это был самый быстрый путь.

Американские газеты печатали фотографии красочного праздника закрытия, а в Берлине развешивали снятые на период Игр таблички: «Не для евреев».

Несмотря на высокие спортивные результаты и широкое участие спортсменов, Игры XI Олимпиады проходили в гнетущей атмосфере милитаризма. Этот факт признает и МОК. В его бюллетене, посвященном 60-летию олимпийского движения, говорится:

«На этих Играх господствовал сильный дух милитаризма и нацизма».

Олимпиада 1936 года стала последней перед развязанной фашистами Второй мировой войной. Побывавший на Играх американский писатель Томас Вулф в романе «Домой возврата нет» так описывал дни Олимпиады:

«Ежедневные спектакли, роскошные и прекрасные, буквально захватывали дух. На стадионе неопишуемая игра красок... Молодые люди стояли непринужденно, смеялись и разговаривали – личная охрана фюрера. Части СС и СА, все чины и звания в самых различных форменных одеждах. Двумя шеренгами стояли они от Вильгельм-штрассе до Бранденбургских ворот. Вдруг прозвучала резкая команда, щелкнули десятки тысяч каблучков. В этих звуках слышалась война...»

Окончилась Олимпиада, и вместе с транспарантами, флагами, другими украшениями, которые срывали в Берлине и выбрасывали за ненадобностью – Игры-то прошли, отброшены были лицемерные прикрытия истинного положения дел в Германии, истинного отношения нацистов к остальному миру.

Первые послевоенные

Спустя всего лишь двадцать лет после окончания Первой мировой войны, которую оптимистично называли «войной по пресечению всех войн», войска германского вермахта в сентябре 1939 года вторглись в Польшу, мир снова окунулся в кровавый конфликт. На этот раз он принял поистине глобальный характер, поскольку попытки союзников ограничить амбиции и нацистской Германии, и имперской Японии означали, что война распространилась далеко за пределы Европы в Африку, на Средний и Дальний Восток. Конфликт повел за собой мобилизацию армий в невиданных ранее масштабах, применение ужасающего нового оружия разрушения и вовлечение в него гражданского населения, которое прежде было избавлено во многом от всех ужасов войны.

Естественно, во время этой страшной войны всем было не до спорта, не до олимпийских состязаний. Поэтому в летописи Олимпийских игр против Игр XII и XIII Олимпиад записано: «Не состоялись». Не состоялись ни в 1940 году в Хельсинки и Саппоро, ни в 1944-м в Лондоне. Долголетняя кровопролитная бойня породила столь глубокую ненависть между народами, что возрождение Олимпийских игр казалось почти невозможным. Пьер де Кубертен умер в 1937 году. Сменивший его граф Анри де Байе-Латур скончался в 1942-м. Бразды правления Международным олимпийским комитетом, да и всем олимпийским движением взял на себя вице-президент Юханнес Зигфрид Эдстрём, крупный организатор спорта из Швеции. Он активно участвовал в подготовке и проведении Игр 1912 года в Стокгольме, а в начале двадцатых годов стал одним из руководителей шведского спортивного движения. В 1920 году Эдстрём был избран в МОК и уже в 1921 году стал членом Исполкома, а в 1931 году – вице-президентом. Исполняющим обязанности президента он был до 1946 года, когда подавляющим большинством голосов его официально избрали на эту должность.

Двенадцать лет не загорался олимпийский огонь. Это были годы, которые каленым железом выжгли отметины на нашей планете, годы, оставившие после себя открытые раны и незаживающие рубцы.

Но как только был заключен мир, Международный олимпийский комитет тотчас же принял решение провести очередную Олимпиаду. Выбор пал на столицу Англии – Лондон, а зимние Игры решили провести на уже апробированной базе – в Санкт-Морице.

Организаторы Пятых зимних Олимпийских игр справились со своей задачей блестяще: все было просто, в хорошем деловом тоне, без излишней шумихи и театральной напыщенности. Серьезных скандалов, ошибок, провокаций зафиксировано не было. Да практически не было и курьезных случаев. Можно упомянуть лишь одну ссору между Оргкомитетом Игр и Международным олимпийским комитетом по поводу участия в хоккейном турнире двух американских команд. В американском хоккее в те годы существовало два различных направления, и США решили послать в Санкт-Мориц две команды. МОК решительно запретил участвовать в соревнованиях обеим командам. А Оргкомитет разрешил играть той команде, которая считалась самой профессиональной. МОК настаивал на своем. В конце концов после длительной и эмоциональной дискуссии команде США было разрешено участвовать в турнире, но как бы вне зачета: просто ради удовольствия поиграть.

Эти разборки вызвали большой скандал в хоккейном мире. Но американцам не было никакого смысла рвать отношения с МОК и с олимпийским движением, так как популярность хоккея на северо-американском континенте росла с невероятной быстротой. И они решили лучше не участвовать в одних Играх, нежели испортить отношения навсегда. По крайней мере, если не навсегда, то надолго.

Летние Игры 1948 года МОК поручил провести столице Великобритании. В Англии в то время царил режим экономии: восстановление городов, и особенно Лондона, сильно пострадавшего от фашистского «блица», было еще далеко от завершения. Многие англичане протестовали против новой тяжести, ложившейся на их плечи. Вопреки всему, не в лучших, но вполне приемлемых для послевоенного времени условиях Олимпийские игры все же состоялись. Они собрали 4104 участника из 59 стран. Германия и Япония, развязавшие войну, приглашения на Игры не получили. Многие страны, пострадавшие от фашистской оккупации, не смогли послать в Лондон хорошо подготовленные команды.

По спортивным результатам Лондонская Олимпиада не была выдающейся. Война загубила столько молодых талантливых людей, что неоткуда было ждать большого притока достойных атлетов. И все же в ходе соревнований было установлено четыре мировых рекорда: по одному в легкой атлетике и стрельбе и два в тяжелой атлетике. Обновлено было и несколько олимпийских рекордов. И это несмотря на то, что условия на многих спортивных сооружениях Лондона были далеко не комфортны. Например, совсем не просто было выступать на стадионе «Уэмбли» – там состязались легкоатлеты. Дело в том, что стадион «Уэмбли» был тогда стадионом прежде всего для собачьих бегов и футбола. На легкоатлетической дорожке на одном из поворотов зияла довольно большая выбоина. Многие здесь спотыкались, а некоторые получили травмы.

Абсолютно не в комфортных условиях проводились соревнования фехтовальщиков – в большом гараже, из которого только на время Игр были вывезены автомобили, да и то – только из одного блока. В других стояли машины самых разнообразных марок, и рабочие тут же занимались ремонтом, мыли и чистили их, протирали стекла, меняли масло, подкачивали шины, в общем, делали все, что обычно делают в гаражах. Резиновая фехтовальная дорожка была уложена на цементном полу, а по ее сторонам на скорую руку сколотили деревянные скамьи для участников, судей и зрителей. Почему-то никому не пришло в голову устлать цементный пол вокруг дорожки хотя бы примитивным мягким покрытием. Из-за этого тоже случилось немало травм.

Очень экстравагантно выглядел олимпийский ринг. Его установили в крытом бассейне на мостике, переброшенном через водную поверхность. Над ним – мощные софиты, которые давали свет во время поединка только на ринг. Во время боксерского турнира воду из бассейна не сливали, поэтому довольно сильные испарения хлора не доставляли особого удовольствия олимпийцам. А однажды один из проигравших с досады так сильно махнул рукой, что с нее слетела перчатка и под гомерический хохот зрителей громко шлепнулась в воду. В другой раз один из тренеров после победы своего подопечного с восторженным криком бросился в воду, вызвав не меньшие овации зрителей. Впрочем, эти неудобства не особенно портили впечатление от боев, которые в основном проходили на высоком профессиональном уровне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.